

Эдгар Крейс

**ОПЕРАЦИЯ
«СССР-2»**

Эдгар Крейс
Операция «СССР-2»

«Издательские решения»

Крейс Э.

Операция «СССР-2» / Э. Крейс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931259-4

Молодой парень, владелец небольшой антивирусной компании, решил в выходной день немного прокатиться на своём антикварном «ЗИЛе», но лёгкая прогулка на машине превращается в полное погружение в совсем недавнее прошлое страны. В те времена, когда «наверху» уже планировали развал Союза...

ISBN 978-5-44-931259-4

© Крейс Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Погоня	6
Глава 2. Канадский синдром	18
Глава 3. Дом, откуда видна вся страна	25
Глава 4. Адвокат	32
Глава 5. Искусственный интеллект	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Операция «СССР-2»

Эдгар Крейс

Редактор Светлана Леонидовна Крейле

© Эдгар Крейс, 2020

ISBN 978-5-4493-1259-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Погоня

Блестящий чёрным лаком представительский «ЗИЛ-114» плавно летел по ровной глади автострады. Эдакий штучный экземпляр. Память о великой стране СССР, которая могла себе позволить производить таких красавцев. Как удалось выяснить её нынешнему владельцу, эта машина когда-то возила председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова. Каждый подобный автомобиль в те времена от начала до конца делался вручную. Массивный кузов опытные мастера деревянными молоточками осторожно гнули по лекалам, тщательно подгоняли одну деталь к другой. Вручную, на глаз весьма трудно соблюдать абсолютную точность. Поэтому каждая деталь получалась уникальной и нельзя было сходу, без подгонки заменить крыло одной машины таким же, казалось бы, крылом от другой. Каждая машина получалась уникальной и единственной в своём роде, а оттого и безумно дорогой. Внешне похожие друг на друга автомобили на самом деле были абсолютно различные в своей схожести.

Несмотря на нестерпимую августовскую жару в просторном салоне веяло приятной прохладной. Из динамиков лилась мелодичные звуки бессмертной классики: вступительная увертюра из балета «Лебединого озера». Павлу, который был владельцем этого штучного раритета, определённо нравилась классика, и, в частности, – Чайковский. Хотя, по большому счёту, ему нравилась не только классика. Были времена, когда Павел по вечерам, после лекций в университете, подрабатывал барабанщиком в небольшом инструментальном ансамбле. Причём, подрабатывал не в самом последнем московском ресторане, и имел у тамошней публики определённый успех.

Во время тотального беспредела девяностых годов заработок матери был мизерный, но, даже и эти небольшие деньги частенько не выплачивали по несколько месяцев. По профессии она была филологом, преподавала русский язык и литературу в старших классах, а кому из властей в те времена были нужны дети, школы и русский язык? Захватившие власть мечтали упасть в «отеческие» объятия «гегемона всеобщего благоденствия», а заокеанский плут почему-то всё медлил и не спешил проявить к новорожденному младенцу с явными инстинктами грабительского капитализма свою отеческую любовь. Часть народа рванула за океан, часть по Европам. Зачастую имея в рваном кармане всего пару сотен баксов. Рисковые верили, что в странах «абсолютной демократии» деньги сами должны падать на них золотым дождём, и там они просто обязаны по мановению волшебной палочки стать богатыми и счастливыми.

А простому народу в России досталось по полной программе. Скромной зарплаты учительницы, даже, когда её выплачивали, катастрофически не хватало даже на очень скромное житьё-бытьё. Нищенская студенческая стипендия Павла оказалась плохим подспорьем. Но, их с матерью здорово выручали деньги, которые ему иногда удавалось приносить домой после выступлений на ночных бандитских сабантуях в ресторане. «Победители жизни» после очередных налётов, делили наворованное богатство, а, за одно, и отрывались по полной. В пьяном угаре они, не жалея совали денежные купюры певцам и проституткам. Царящие в стране бандитские разборки приносили им баснословное обогащение, а народу – нищету и голод, а когда и смерть в тёмной подворотне от ножа или бейсбольной биты.

Несмотря на радостные вопли с экранов телевизоров об освобождении от рабства коммунистической диктатуры и наступившем царстве свободы и процветания в реальной жизни люди видели, что спираль нищеты и голода засасывает их всё глубже и глубже в бездну беспросветной пропасти, откуда им уже было не выбраться. А Россия, тем временем, начинало громко трещать по швам. Каждый территориальный субъект требовал от центра полной автономии и независимости. Но, несмотря на всё эту вакханалию, мать Павла твёрдо настаивала на том, чтобы её сын обязательно получил достойное образование. Она верила, что зловонная короста болезни, сковавшее ослабленное тело страны, со временем непременно отпадёт. Государство

выздоровеет, окрепнет и, в конце концов, наступит то время, когда знания сына понадобятся не за границей, а именно здесь – в самой России.

Спустя некоторое время Павел заметил, что из их дома стали исчезать семейные реликвии, оставшиеся в семье ещё от дедов и прадедов. Бесценные вещи, напоминание о предках, смогли пережить гражданскую войну, нашествие фашистов, но не смогли пережить новые времена. Теперь в цене стал не человек труда и высокого интеллекта, а ловкачи, сумевшие в мутной водиче разрухи наловить жирную рыбку и нажиться на воровстве государственного имущества, да на горе людей. Павлу было тяжело смотреть, как мать пытается выжить, но воспитанный с детства к уважению к старшим, он делал вид, что не замечает пропажи семейных реликвий. По вечерам, после занятий, когда не было выступления их группы, он шёл разгружать вагоны. Спирт рояль тёк рекой в страну в обмен на цветной металл и лес. Павел видел, в какой водоворот хаоса закручивается жизнь его друзей и знакомых из-за элементарной нехватки денег, когда за ночь обычные продукты питания могли многократно подскочить в цене. Вчерашние инженеры, профессора и академики, вперемежку с бабульками и старичками, торговали на многочисленных стихийных базарах и базарчиках всем чем придётся. Люди постепенно теряли веру, что когда-то в их стране наступит спокойствие и благополучие. Каждый пытался выкручиваться сам, как мог, а страна с пугающим ускорением всё катилась и катилась в бездонную пропасть. А наверху, опираясь на ложь и враньё, под шумок пропаганды разворывали то, что создали и построили наши предки.

Сейчас это уже в прошлом. Пришёл новый президент. Страну уже так не корёжит и не дёргает. Вроде как жизнь помаленьку начинает налаживаться. Не так быстро и чётко, как того бы всем хотелось, но всё-таки, подвижки уже видны, что называется, невооружённым взглядом. Ещё бы не мешали всяческие «доброжелатели», да казнокрады воровали поменьше, то и жилось стране и народу гораздо лучше. Но, ещё будут аукаться лихие бандитские годы тотального разворывания и разгрома некогда могущественной страны. Разлить чистую воду из большого сосуда просто и быстро. Собрать её обратно в этот сосуд чистой и в том же количестве – уже практически невозможно. Легче найти новый источник чистой воды и им наполнить опустевший сосуд, но где взять этот новый источник?

Павлу с большим трудом, но удалось вместе с друзьями наладить собственное дело. Его компания занималась созданием софтов и одним из них была отечественная антивирусная программа «Кобальт». Доход от её продажи помаленьку рос. Рынок продаж ширился, но Павел считал, что лиха беда – начало. Он верил, что хороший, российский антивирус будет нужен всем. Тем более, честный антивирус, без «чёрных дыр», позволяющих взять под тотальный контроль компьютеры пользователей. Ведь далеко не секрет, что большинство производителей софтов зачастую продают код доступа заинтересованным структурам.

Павел мечтал о начале производства высокопроизводительных, российских компьютеров. Желал создать отечественную операционную систему. Но, – это, позже, а для начала нужно раскрутить продажу антивирусного софта. Заработать денег для дальнейшего развёртывания бизнеса. Друзья, бывшие однокурсники и одновременно партнёры по бизнесу, уговаривали Павла продать свой старый «ЗИЛ» какому-нибудь богачу-коллекционеру и вложить вырученные деньги в дело. Убеждали, что всё равно у этого антиквариата уже сыпется начинка, а денег на поддержание приличного вида нужно будет тратить всё больше и больше. Но Павел уже успел прикипеть к «старичку», хотя денег он поглощал действительно много. Но эта машина была единственной памятью об его отце, и Павел нутром чувствовал, что в его уходе из семьи в начале девяностых кроится какая-то, пока ещё неразгаданная тайна. Ему хотелось докопаться до истины, но мать не слишком вдавалась в подробности о прошлом, а у отца уже не спросишь. В начале девяностых, после прихода к власти «демократов», отец сказал матери, что для их безопасности будет лучше, если они официально разведутся и станут жить отдельно. Павел тогда ещё учился в восьмом классе и все разговоры родителей проходили без его участия.

Родители действительно разошлись, и ему потом долго никак не удавалось встретиться с отцом. Но, в день защиты диплома, он совершенно неожиданно пришёл к ним домой. Без какого-либо приглашения и предупреждения и без лишних разговоров положил перед Павлом на стол ключи от автомобиля. Им оказался настоящая правительственный лимузин «ЗИЛ-114». Павел удивлённо смотрел в окно на стоявший во дворе автомобиль, а отец смущённо стоял позади него и наблюдал за реакцией сына.

– Он теперь твой, Павел. Это всё, что я могу тебе сейчас дать. Больше у меня за душой ничего не осталось. Денег после увольнения не дали, но зато вот откупились от меня вот таким красавцем! Да и то, скорее всего, просто потому, что он никому не нужен. Сейчас все за импортными машинами гоняются. «Мерседесы» всем подавай, а советское сейчас уже не в моде. Одним словом – «совок»! Так это сейчас «модно» называть. Если хочешь, то продай его. Мне же нужно срочно уехать. Куда и зачем сказать тебе пока не могу. А сейчас мне уже действительно пора. Ты теперь дипломированный математик и я надеюсь, что сумеешь верно просчитать своё будущее. Может тебе повезёт жить в совершенно другой стране, а пока, нашей верхушке учёные люди не шибко нужны, а некоторые из них, вдобавок, ещё для кое-кого весьма опасны! Прошу тебя не верить сплетням про меня. Они обязательно появятся и береги мать! Такой женщины больше на всём белом свете не сыщешь. Она тебя любит больше своей жизни. Это я тебе говорю, твой отец, и это несмотря на наш с ней развод. Увидимся ли мы с тобой ещё раз – не знаю! Прощай и будь счастливым!», – умолкнув отец, резко развернулся и пошёл к двери, но на пороге остановился. Оглянулся на сына и достал из внутреннего кармана пиджака кошелёк.

– Вот держи, последняя пара сотен долларов. Это у меня всё, что осталась. Как-нибудь выкручусь и без них, а тебе для начала твоей самостоятельной жизни пригодятся! Ну, а теперь, действительно, кажется, всё! Пока, и не поминай лихом своего отца!

Входная дверь закрылась. Негромко щёлкнул шлепперный замок. Павел растерянно держал в руках ключи от лимузина и две сотни баксов. Он стоял словно истукан и при этом не мог произнести ни слова. Даже просто поблагодарить отца. Сам его приход стал для Павла полной неожиданностью, не говоря уже об автомобиле и деньгах. Когда он очухался и выскочил во двор, отца уже увозила прочь неприметная старенькая «копейка».

Прошло уже более десяти лет после последней встречи, но об отце так и не было ни слуху – ни духу. Отцовские двести баксов Павел действительно вложил в дело, а с тех пор его компания успела окрепнуть и антивирус получил своих пользователей не только в России, но и во всём мире. Даже американские супостаты начали им пользоваться. Но, в последнее время они объявили, что в его антивирусе есть «чёрная дыра», через которую российские спецслужбы, якобы, получают доступ к их секретной информации. Но, Павел знал, что это в принципе не могло быть! Ибо именно на отсутствии доступа посторонних лиц к клиентским машинам и строилась вся идеология антивируса. Наличием «чёрной дыры» перед спецслужбами могли похвастаться иноземные софты, которые официально умалчивали об этом факте. Павел же тыкал носом своих конкурентов в их беспринципность, а теперь в наличии «чёрной дыры» обвинили его самого. Но, попробуй отмыться, когда профессиональный вор объявит тебя самого вором. Начались сложные судебные разбирательства в американском суде. Павел настойчиво пытался доказать чистоту своего программного обеспечения. Даже предлагал на паритетных условиях с другими антивирусными компаниями открыть исходники кодов, но его просто не хотели слушать. А каждое судебное слушание и адвокаты требовали всё больше и больше денег. На чём и строили свою судебную стратегию богатые западные конкуренты. Они просто тянули время. А время в бизнесе в прямом смысле – это деньги. Их конечная цель проста – разорить и завалить молодую русскую компанию энтузиастов. За свой рынок сбыта Запад вполне «демократично», с вежливой улыбкой на лице, сплочённой стаей рвал

на части кого угодно, но они в этот раз нарвались не на тех. «Кобальт» держался в числе лучших антивирусных программ в мире и не намеревался без боя сдавать завоёванные позиции.

Павел параллельно пытался через различные структуры разыскать отца, но, пока, безуспешно. Как-то раз мать обмолвилась, что ранее отец работал ведущим специалистом в одном из институтов, который курировал КГБ СССР. Правда, про тематику разработок отец ей никогда не рассказывал, но она знала то, что он имел не только правительственные награды, но высокое научное звание. Обращался Павел и в ФСБ, но там утверждали, что такой человек официально в списках сотрудников у них никогда не числился. Но здесь всё было ясно. Если разработки отца действительно носили особо секретный характер, то, даже, если он и числился в списках сотрудников, то разве они бы сейчас признались бы ему в этом. Интересовался Павел и у своих многочисленных знакомых в России и за её пределами, но, так же – всё безрезультатно. И всё же, Павел продолжал надеяться на будущую встречу с отцом. Мать уверяла, что отец не сошёлся во мнении с очень влиятельными людьми. Вначале его уговаривали помолчать и не поднимать шум, а затем, отец стал получать угрозы в свой адрес, что его объявят изменником родины и предателем государственных секретов со всеми вытекающими из этого последствиями. Обещали, что могут добраться не только до него самого, но и до его родных и близких. Поэтому, отец был вынужден уйти из семьи, а теперь где-то скрывался.

Павел привычно, одной левой крепко держался за здоровенную баранку лимузина, а другой в это время наливал в стакан минеральную воду. Со своими немалыми габаритами он хорошо смотрелся в широком, кожаном кресле огромного лимузина. Так что, и машина, и Павел выглядели одинаково «негабаритными». Автомобиль на дороге, а Павел – по жизни. Правда, в его теле не было ни одной капли жира, одни накаченные мышцы. Ещё в самом начале девяностых он стал тренироваться под руководством друга отца в секции боевого самбо, тягал штангу. Не бросил занятия и, когда его с головой накрыл бизнес. Считал, что в здоровом теле – здоровый дух, да и бизнесу полезней, если его хозяин вовсе не какой-нибудь рохля-ботаник, а крепкий, тренированный парень. Ведь, всякое в жизни может случиться. Павел пытался разузнать о местоположении отца и у своего тренера, но тот не отвечал на вопросы, а лишь отводил взгляд и говорил, что надеется, что придёт время и Павел ещё будет гордиться своим отцом.

Несмотря на неровности дороги и пролетающие по «встречке» автомобили, в салоне лимузина стояла абсолютная тишина и спокойствие. Звукоизоляция была исключительно хорошей. Лишь еле-еле слышен равномерный гул семилитрового движка, да иногда приветственные гудки соседей по дороге. Неровности асфальта абсолютно не ощущались. Машина катила словно по только что отциклёванному паркету. Знаменитого старичка советского автопрома, несмотря на его преклонный возраст, уважали все водители. Даже дорожная полиция брала под козырёк, когда чёрный великан величаво проплывал мимо них. Было в этой машине что-то такое, что и через полвека заставляло людей относиться к ней с уважением. Минералка из стеклянной бутылки тонкой струйкой текла в гранёный стакан, а тот, будто бы намертво приклеился к небольшому столику, разделявшего водительское сидение и сидение пассажира. До того был плавным ход у машины, что вода в стакане ровной линейкой держала уровень и ни капли из неё не выплеснулась, даже если на дороге внезапно попадались колдобины. Сей фокус Павлу нравилось показывать своим новым знакомым и партнёрам по бизнесу. Те, кто ещё был не в курсе, до хрипоты спорили с ним и бились об заклад, что такое просто невозможно. У них, мол сверхдорогие «Бентли» или там «Мазератти», но такой фокус и на их машинах не прокатит, а тут какой-то старый, полуржавый лом, хоть и из правительственного гаража. Тем более, что это – «совковый» автомобиль, как некоторые из них высокомерно утверждали. Но уже через полчаса езды по гравию им приходилось выкладывать проспоренную сумму и тогда, они совершенно другими глазами смотреть на павловский антиквариат. А тот лишь только хитро улыбался и забирал у ценителей западных машин проспоренные деньги.

Павел посмотрел на спидометр. Стрелка замерла на отметке «сто сорок километров в час». Протянул руку за стаканом с минералкой, поднёс его ко рту, но тут мимо него, с выездом на «встречку», через сплошную разделительную полосу на обгон пулей вылетело ещё одно наследие советского автопрома. Не менее знаменитая и всенародная любимица тех далёких лет – вазовская «копейка». За её рулём сидел седовласый старичок. Он лихо крутил баранку, не обращая на Павла никакого внимания. Отчаянно ревя клаксоном и мигая фарами, «Жигуль» с трудом разошёлся с летящий прямо ему в лоб в лоб тяжёлым тягачом с прицепом. Тому даже пришлось немного уйти в сторону. Прицеп «загулял» по обочине, поднялись клубы пыли, а водила нервно заревел своим сверхмощным клаксоном. Павел так и остался с недосённым до рта стаканом, как мимо него пронеслась ещё и чёрная «Волга». Причём, двадцать четвёртая модель, но, опять же, просто в идеальном состоянии. Даже государственный номерной знак на автомобиле был чёрного цвета с нанесёнными на нём белым советским госномером. Павел, как истинный коллекционер, даже с удовольствием цокнул языком. Обе машины блестили не отреставрированным никелем, а явно ещё оригинальным, заводским.

– Что это сегодня за праздник советского автопрома и куда это они так все торопятся? Обычно такие товарищи едут важно, неторопливо, как и положено «пенсионерам», сумевшим с достоинством дожить до старости, – удивлённо спросил сам себя Павел и двумя внушительными глотками быстро осушил стакан с водой.

Поставил его на столик и посмотрел вслед унёсшимся вперёд гонщикам. Но дальше было ещё интереснее. Люди в чёрной, антикварной «Волге» включили сирену и что-то по «громкой» стала приказывать водителю «Жигулей». Павлу стало любопытно – не кино ли снимают. Он огляделся по сторонам, посмотрел наверх через лобовое стекло, но нигде не было видно ни съёмочной бригады, ни машин сопровождения, ни вертолётов с камерами. Да и обычно для съёмок фильмов место съёмки огораживают, очищают от посторонних. К тому же полиция должна где-то рядом скучать. Павел нажал на кнопку электропривода и приоткрыл массивное боковое стекло. Выглянул наружу и ещё раз посмотрел по сторонам. За ним петляла пустая лента дороги, а впереди маячили только двое этих сумасшедших. Павел прибавил скорость. Спустя пару минут через открытое окно стали доноситься приказы из «Волги»:

– Водитель «Жигулей» приказываю немедленно остановиться! Мы гарантируем вам жизнь! В случае неподчинения будем вынуждены открыть огонь на поражение!

– М-да, нехилинькая перспектива вырисовывается! Прямо детектив с намеком на перестрелку! – присвистнул Павел. – Точно, – кино снимают! Настоящая полиция и спецслужбы на двадцать четвёртых «Волгах» уже давно не разъезжают. Наверное, у киношников камеры в салонах автомобилей установлены, чтобы эффектнее выглядело, а, может, и бюджетные съёмки проводят! Интересно, никогда в жизни не видел настоящих, живых съёмок!

Павел решил не упускать из виду занятую парочку. Его привлёк не только сам процесс съёмок, но и, как истинного ценителя антикварной техники, – весьма хорошо сохранившиеся автомобили. Он добавил до ста шестидесяти. Хотя, на этой трассе было ограничение «Сто километров», но ещё ни один дорожный полицейский его не остановил, чтобы оштрафовать. Если и останавливали, то больше даже из любопытства, да потом ещё долго извинялись за беспокойство. Не каждый же день увидишь такой раритет на дороге, да чтобы за его рулём сидел человек, владеющий одной из самых успешных молодых компаний России. Частое мелькание на экране телевизора делало своё дело и Павла уже стали узнавать на улицах Москвы и постовые автоинспекции.

«ЗИЛ» стал плавно догонять беглецов. Резвый «Жигуль» достаточно легко нёсся на запредельной для него скорости. Павлу, как антиквару, стало ещё более любопытно. Он захотел заглянуть под капот этой слишком шустрой, старой машинки и заценить её начинку.

– Небось специально «тюнинговали» для съёмок! – подумал Павел и чуть не пролетел поворот.

Несущиеся впереди гонщики, почти не снижая скорости, с диким визгом от, чуть ли не рвущихся покрышек, свернули на небольшую, второстепенную дорогу, лишь немного сбросив скорость, и по гравийке, в клубах пыли понеслись дальше,

– Во, блин – асы! Вот тебе и старичок за рулём! – в сердцах чертыхнулся Павел и крепко ухватился обеими руками за руль.

Его машина легко шла по прямой, но, чтобы её резко развернуть, нужно было иметь недюжинные навыки вождения тяжеловесного лимузина. Это уже навыки профессионального водителя правительственных эскортов. Но Павел не зря почти не расставался со своей любимцей. К тому же он познакомился с бывшим водителем из правительственного гаража и брал у него уроки экстремального вождения. Его реакция и полученное умение в этой ситуации сработали на славу. Машина слегка заехала на «зелёнку», но уже буквально через минуту вновь висела на хвосте у удиравших киношников. Азарт настоящего антикварщика – сродни азарту гончей собаки. Выложиться до последнего, но догнать добычу и, из последних оставшихся сил схватить её. Павел уже был готов за своё любопытство приплатить водителям антикварных машин. Не откажут же своему коллеге утолить жажду любопытства. Решил поближе познакомиться с их владельцами и с внутренностями самих автомобилей, но облако пыли от продолжавших гонку автомобилей разрасталась и в ширь, и в длину. Павел влетел в него и вынужденно сбросил скорость. Видимость тут же упала чуть ли не до нуля. Ещё не хватало только врезаться в киношников или угодить колесом в яму на дороге. Впереди него пару раз грохнули выстрелы.

– И чего они в такой пылюке снимают? Зрителям ведь, совсем ничего не будет видно!

Ещё раз, раз за разом прогремели выстрелы и вот, под колёсами неожиданно гравий сменился на асфальт. Правда не первой свежести, да ещё и с глубокими колдобинами. Наконец, пыль понемногу стала рассеиваться, и Павел увидел впереди себя неуловимых гонщиков. Они, не снижая скорости, ловко лавировали между ямами. Из пассажирского окна «Волги» торчала голова черноволосого мужчины в сером костюме с пистолетом в руке. Он патроном за патроном методично и хладнокровно разряжал обойму. Выстрелы звучали хлётко и тут в «Жигулёнке» неожиданно рассыпалось заднее стекло. Его водитель резко пригнулся, но продолжал шустро управлять автомобилем.

– Всё думал, что спецэффекты уже давно накладывают в студии на компьютерах, на заранее отснятый материал. Но, чтобы так, в живую крушить из пистолета машину с живым водителем за рулём. Наверное, здесь какая-то хитрость есть, а за рулём машин профессиональные каскадёры. Когда закончат съёмку и остановятся, можно будет познакомимся и тогда они расскажут мне, как они это делают! – размышлял Павел, но тут стрелок из «Волги» повернулся и ствол пистолета теперь был направлен в его сторону. Тут же прогремел выстрел. – Во, наглый какой! Ещё прикалывается!

Раздался ещё один выстрел и Павел услышал характерный стук металла по металлу. Он непроизвольно сбросил с педали газа ногу и нажал на тормоза. Многотонный автомобиль по инерции ещё некоторое время достаточно шустро ехал. Павел чертыхался, одновременно пытаясь объехать ямы на дороге. Скорость лимузина стала постепенно снижаться. В это время водитель «Жигулей» воспользовался моментом, что его преследователь отвлёкся, и прибавил обороты. «Волга» тут же стала отставать. Ей было тяжелее лавировать между бесчисленными ямами и колдобинами. Сказывались инертность и конструктивная неповоротливость машины. Стрелок явно хотел ещё раз выстрелить в сторону Павла, но видя, что тот стал сильно отставать, лишь хладнокровно улыбнулся, и вновь переключился на свою старую цель.

– Ничего себе – киносъёмка! – удивлённо и одновременно обиженно хмыкнул Павел. – Эй! А кто мне теперь за повреждённую машину платить будет?

Чёрный лимузин ещё некоторое время по инерции медленно катил вперёд и, наконец, остановился. Раритеты уходили в неизвестно откуда-то взявшийся туман. В азарте гонки Павел

даже не обратил внимание на номера машин. Всё-таки у него ещё оставалась надежда по своим каналам узнать о владельцах раритетных автомобилей. Номера позже можно будет рассмотреть на видеорегистраторе. Никогда ещё Павлу не доводилось слышать о дорожных перестрелках на раритетах. В обществе антиквариатов сей слух должен быстро обрасти подробностями. Ведь коллекционеры друг друга хорошо знают и выйти на стрелявших особого труда не должно составить. Подключим адвокатов, а те из стрелка денежку вытянут. Благо данные с видеорегистратора недавно признали, как вещественное доказательство. Хотя, стрельба – это уже не только одними деньгами пахнет.

Туман начал довольно быстро сгущаться, что было довольно странно для середины жаркого дня. Утром или вечером ещё понятно, но днём откуда мог взяться туман? Павел оглянулся по сторонам. Вроде болот не видать, да и на низину местность была не очень-то похожа. Ещё пару раз в тумане, где-то очень далеко раздались выстрелы, а вскоре они затихли. Рёв двигателей машин вслед за отголосками выстрелов тоже потонули в тумане. Наступила полнейшая тишина. Словно ничего и не было. Только «ЗИЛ» из гаража бывших советских правителей теперь сиротливо стоял на второстепенной, разбитой дороге, да ещё и в густом тумане.

– Умчались сумасшедшие гонщики! – усмехнулся Павел, поставил машину на ручник и открыл дверь. – Покатался, значит, получил полное удовольствие от прогулки на лимузине!

Он вспомнил про металлический лязг с правой стороны, который раздался после выстрела незнакомца в сером костюме. Каким-то чудом ему даже удалось разглядеть у того самодовольное, абсолютно хладнокровное лицо. Похоже, что для того Павел был не человеком, а всего лишь надоедливой мухой, которую следует немедленно прихлопнуть. Правда, для этой цели использовали не зачитанную до дыр старую газету, а самый настоящий пистолет. Павел огляделся по сторонам. Вышел из машины и поёжился. Промозглый, липкий холод от быстро надвигающегося тумана проник под лёгкую, летнюю майку.

– Откуда только он мог во время дневной жары взяться?

Павел обошёл машину и внимательно осмотрел блестящую чёрным лаком дверь. На ней уже висели капельки влаги. Пробоину долго искать не пришлось. Он растерянно крикнул. Действительно, лязг металла о металл ему не послышался. Павел присел, чтобы лучше разглядеть место повреждения. На него смотрела свежая, рваная дырка в только что отремонтированной двери. Павел чуть не взвыл от досады. Благо отверстие было несквозное. Иначе пришлось бы ещё менять и обшивку салона. Пуля вошла в кузов машины под малым углом и застряла внутри двери, но от этого владельцу антиквариата было не легче. Снова ремонт, а это вновь немалые, непредвиденные траты. Да и целая дверь намного ценнее продырявленной, пусть даже и тщательно залатанной. А ещё работа кузовщика для антикварных авто совершенно не дешёвое удовольствие. Ко всему ещё и потерянное время, причём, всего лишь из-за какого-то праздного любопытства. Павел задумчиво почесал затылок. Ему ведь ещё надо будет в мастерской как-то объяснять – где это ему удалось на пулю нарваться.

– Ладно! Утро вечера мудренее. Поеду домой, раз не удалось по-доброму договориться с этими полоумными, – решил Павел и полез в тёплый салон автомобиля. – Так, и куда это меня занесло? Как-то ехал, совершенно не задумываясь о дороге.

Павел достал из кармана мобильник. Привычно нажал на иконку карт российского поисковика, но та упорно не хотела открываться. Индикатор уровня сигнала показывал отсутствие зоны приёма. Высунул мобильник в окно, но качество приёма от этого не улучшилось ни на йоту. Индикатор зоны был пуст.

– Ничего, и так выедем! – усмехнулся Павел, отложил бесполезный мобильник и оглянулся назад.

Но..., ничего путного там так и не увидел. Пока он размышлял весь автомобиль обволок совершенно непроглядный туман. Даже дороги под автомобилем не стало видно. В небольшом заднем стекле была видна только сплошная непроглядная мгла. Та же, не столь радужная кар-

тина была видна и через боковые, и через переднее стёкла. Лимузин полностью «потонул» в липком, непроглядном киселе тумана, который с каждой минутой только усиливался и усиливался. Вскоре в зеркалах заднего вида исчез кузов автомобиля. Стало казаться, что туман начал проникать сквозь уплотнители дверей в салон автомобиля. Павел только теперь заметил, что древний, как и сам автомобиль приёмник упорно молчал. Покрутил ручку настройки, пощёлкал клавишами диапазонов. Но, лишь шум, да лёгкое потрескивание раздавалось из динамиков. Ни на ультракоротких волнах, ни на «ФМ», ни на других диапазонах, которые Павел оставил после переделки приёмника, абсолютно ни одной радиостанции. Какая-либо связь с цивилизацией оборвалась во всех её формах. Павел откинулся на мягкое, кожаное сиденье, закинул руки за голову и задумался о превратностях жизни. Хочешь – не хочешь, а приходилось подчиняться непонятному природному явлению. Пару минут полежал с закрытыми глазами, в мыслях прокручивая эпизоды последнего события. Странная погоня с перестрелкой на антикварных автомобилях никак не выходила из его головы. Достал из кармана мобильник с надеждой, что зона приёма каким-то чудесным способом появилась и можно будет определить куда это его занесло. Но, индикатор уровня сигнала так и не ожил. Павел засунул мобильник обратно в карман джинсов и тут услышал осторожный стук в боковое стекло. От неожиданности даже слегка вздрогнул. Никак не ожидал чьего-либо присутствия в таком густом тумане. Внутренне напрягся, вспомнил о стрелке, который явно намеривался, не только его припугнуть, но и проделать в голове дырку. Павел потянулся к «бардачку» за пистолетом. Сегодня был последний выходной августа, а каждый последний выходной месяца он собирался вместе с друзьями-знакомыми в тире. Говорили тот о сём, а заодно, и не давали себе подрастерять навыки в стрельбе. Не все бизнесмены доверяют своей охране, а у некоторых её просто нет.

Сквозь туман снова показалась рука и снова осторожно постучала по стеклу. Павел обратил внимание на то, что человек, который стучал в окно был из служивых. В окне промелькнул обшлаг кителя с позолоченной пуговицей. Тем не менее, на всякий случай, Павел спрятал за бедром ноги пистолет и осторожно нажал на клавишу открытия бокового окна. Стекло опустилось и в проёме показалось лицо парня в фуражке, с приложенной к виску ладонью.

– Старший лейтенант Приходько! Чем могу помочь товарищ? Просто стоите или бензин закончился?

Постовому не был виден пистолет, который Павел прятал от него за бедром ноги. Милиционер немного отошёл в сторону, с уважением оглядел машину и продолжил:

– Машина, конечно, важная и удобная для особых персон, но топлива небось потребляет – мама не горюй!

– Что есть – то есть! – подтвердил Павел и незаметно, только милиционер вновь отвлекся на разглядывание лимузина, спрятал пистолет под майку, за пояс джинсов. – Заправлять просто не успеваю, но ни за что бы свой «ЗИЛ» не променял бы даже на бронированный «Мерседес»! Уж больно прикипел я к этой машине.

– Оно и понятно – не каждому ведь доверяют возить членов правительства, да ещё на такой красивой машине! – ответил постовой и неожиданно присел, а затем удивлённо присвистнул. – Ба! Да у вас переднее колесо приспустило!

Павел открыл дверь машины, выбрался наружу и присел рядом с сотрудником правоохранительных органов. Вид переднего колеса ему тоже не понравился.

– Так вот куда вторую пулю пустил этот сумасшедший! Ловкий же, гад!

– Это вы о ком говорите, товарищ, и про какую такую пулю?

Постовой подозрительно сощурил глаза и недоверчиво посмотрел на Павла.

– Вы точно уверены, что в вас кто-то стрелял?

– Как то, что сейчас я перед собой вижу вас! – ответил Павел, чертыхнулся, оглянулся вокруг и только теперь заметил, что признаков былого густого тумана вокруг больше не было. – А куда делся туман?

– Какой такой туман, товарищ? Сегодня с самого утра погода хорошая. Весь день стоит солнечно и сухо! Даже не верится, что уже конец лета и скоро наступит слякоть! Так кто в вас стрелял, товарищ? И документы ваши, разрешите посмотреть?

– Конечно, – пожал плечами Павел, встал и полез в нагрудный карман за правами и техпаспортом на автомобиль, как увидел позади своей машины ярко-жёлтый мотоцикл с коляской на которой красовалась короткая надпись – ГАИ.

«Государственная автоинспекция», – автоматически расшифровал аббревиатуру Павел и перевёл взгляд на постового и только сейчас он понял, что его всё это время смущало. Форма! Именно форма. На него смотрел молодой человек в тёмно-синей рубашке и заправленных в вычищенных до блеска сапоги тёмно-серых брюках. На голове белая каска с кокардой, причём, очень похожая на кокарду на старой фуражке отца, сохранившейся с советских времён. Павел ещё раз посмотрел на яркий, канареечного цвета служебный мотоцикл и улыбнулся.

– Ну вы меня и разыграли, товарищ «милиционер»! Я понял! Это мои друзья по стрелковому клубу решили надо мной подшутить! Точно! Петькина работа! Признаю, уели и развели вы меня, братцы, классно! А куда он свои камеры вмонтировал, чтобы мою удивлённую физиономию потом в своём интернет-блоге разместить? Совсем уже помешался на увеличении числа своих подписчиков!

Павел аккуратно отстранил в сторону удивлённого постового и не торопясь направился к мотоциклу. Ему, как коллекционеру, было любопытно рассмотреть поближе очередной раритет.

– Какого года у вас мотоцикл? – нетерпеливо спросил он, разглядывая движок. – Смотри ты, оригинальный мотор! И резина на колёсах оригинальная. Хорошо сохранился! Похоже и краска на нём родная! Невероятно!

– А что тут такого? Только в прошлом году, как мотоцикл получили! Ничего ещё на нём не меняли! А что? – удивлённо спросил милиционер, так и не поняв – что это могло водителя шикарного лимузина заинтересовать в его заурядном, служебном мотоцикле. – И всё-таки, товарищ, я бы хотел взглянуть на ваши документы!

– Да, брось ты тут театр разыгрывать! Раскусил я вас! Отключай глушилку зоны мобилника и звони стрелку на «Волге», да этому лихому водиле-старика на «Жигулёнке»! Пусть вертают обратно! Я их в гриме даже не узнал! Признаю, мастерски вы меня разыграли! А я и в правду поверил, что меня вот так, просто, за здорово живёшь пристрелить хотели! Но, дырку вы мне всё-таки сделали и колесо пробили. Так что, теперь ремонт за ваш счёт, братцы! Только, прошу в интернет эту запись не выкладывайте! У меня скоро будут важные переговоры с будущими акционерами, и здесь, каждая мелочь может повлиять на решение таких серьёзных людей.

Павел продолжал разглядывать мотоцикл. Провел рукой по бензобаку, посмотрел на спидометр. Удивленно покачал головой.

– Глазам своим не могу поверить! Просто идеальное состояние! Так какого года мотоцикл, говоришь?

– Семьдесят седьмого, а что? – подходя ближе к Павлу, ответил милиционер.

– Невероятно сохранился и, что удивительно, похоже, что все детали на нём оригинальные!

– А вы что, знаете тех, кто в вас стрелял? – не понял милиционер.

– Ну да, это же мои дружки!

Павел обернулся. На него недоверчиво смотрел постовой и вновь настойчиво потребовал:

– Права на вождение транспортного средства и техпаспорт на правительственную машину предъявите, пожалуйста!

– Вот приставучий! Видно, пока свой спектакль до конца не отыграешь – не успокоишься! А насчёт года выпуска зачем врать? Не может мотоцикл семьдесят седьмого года без единого следа ржавчины и с оригинальной краской быть?

– Зубы мне не заговаривайте, гражданин! Быстро отошли на три шага от служебного мотоцикла и предъявите свои документы!

Милиционер потянулся к кобуре. Павлу уже совершенно надоели выстрелы в его сторону, хотя теперь он был уверен, что ни один из них не должен был причинить ему вреда. Но лихо поставленный спектакль приходится доигрывать до конца.

– Ладно, пусть Пётр получит удовольствие от своих съёмок до самого конца! – с улыбкой произнёс Павел и протянул постовому водительское удостоверение образца семнадцатого года.

Милиционер осторожно и недоверчиво взял в руки кусок пластика, а затем пристально посмотрел на водителя лимузина.

– Это что такое вы мне предъявили?

– Как что? То, что вы требовали – удостоверение личности водителя!

– Вы иностранец?

– Почему вы так решили?

– В СССР, на настоящее время, принята другая форма водительского удостоверения. Вам придётся проследовать со мной до ближайшего отделения милиции.

– Ребята, но это уже явный перебор! Глушитель сигналов зоны мобильного телефона хоть отключите! Мне необходимо сделать срочный звонок! – тяжело вздохнул Павел и вытащил из кармана брюк сотовый телефон. Посмотрел на экран, но индикатор зоны упорно указывал на отсутствие признаков присутствия сети.

Милиционер с интересом посмотрел на странное устройство у не менее странного человека и резко вытащил из кобуры пистолет. Сухо щёлкнул затвором и резко приказал:

– На колени! Руки за голову!

Такого оборота дела Павел не ожидал. Ему казалось, что спектакль уже закончился, но не тут-то было.

– Живо!

Лицо молодого милиционера водителю лимузина не понравилось. Интуиция отчего-то подсказывала, что этот актёр, изображающий ревностного служителя закона, совершенно не шутит. Пришлось подчиниться. Милиционер, не спуская глаз с задержанного, подошёл к коляске; скинул с неё брезент и снял трубку с рации.

– Двадцать первый! Двадцать первый! – нервно закричал в коричневую, эбонитовую трубку лейтенант.

Из неё раздался сильный треск. Лейтенант отдернул трубку от уха, но тут же вновь приложил и заговорил:

– Тарасов, спишь что ли! Свяжи меня с первым! Зачем-зачем? Шпиона поймал! Вот, зачем! Давай, скорее и не выпендривайся! Быстро соедини меня с начальством!

Трубка снова нещадно затрещала и через минуту из неё загудел недовольный бас. Всё это время молодой лейтенант держал на прицеле Павла и тому с каждой последующей минутой ситуация нравилась всё меньше и меньше. А пока, постовой доказывал свою вменяемость начальству, Павел попытался встать, но тут же резкий, недовольный окрик милиционера прервал его попытки. Что-то ему расхотелось рисковать, а постовой вновь продолжал доказывать своему невидимому начальнику, что поймал настоящего шпиона.

– Но, товарищ первый! Я же не вру! Да не пил я сегодня, и даже вчера не пил! Всё, что я вам только что доложил – истинная правда! Как я могу знать – откуда в наших краях, вдали от правительственной трассы объявился шпион на правительственном «ЗИЛ-114»? Да, не знаю я, товарищ первый, но документы у шпиона поддельные! Пришлите подкрепление для задержания и ремонтную бригаду, чтобы эвакуировать «ЗИЛ». У машины одно колесо про-

стрелено и в двери пулевое отверстие! Так точно, прострелена! Я лично убедился в подлинности пулевого отверстия! Из первых лиц никого, только один шофёр. Номера правда у машины странные, но может быть – это опытный экземпляр? Но, тогда документы у водителя были бы настоящие, товарищ первый! Задержанный шпион под моей личной охраной! Так точно, товарищ первый!

Видимо, на том конце трубки надолго замолчали. Оценивали ситуацию или консультировались с вышестоящим начальством. Наконец, трубка вновь заговорила, и милиционер ответил:

– Так точно, первый! Жду! Не сомневайтесь, от меня ещё никто из преступников не уходил, а тем более шпион!

Лейтенант положил трубку рации на место и самодовольно посмотрел на Павла.

– Ну, вот и всё, господин шпион! Закончилась ваша шпионская деятельность на территории СССР! Передайте вашему начальству, что шпионские документы тщательнее нужно готовить!

– Колени затекли! – пожаловался Павел.

– Здесь вам не Америка с вашими буржуйскими удобствами! На живот ложитесь и руки за голову!

Павел оглянулся. Чёрное отверстие ствола «Макарова» холодно смотрело ему в лицо, а у молодого лейтенанта были так сжаты тонкие губы, что стало понятно, что с ним договориться никак не удастся. Чем дальше, тем всё более запутанной выглядела для Павла его странная прогулка на лимузине.

Милиционер обошёл лежащего лицом в землю задержанного и, продолжая держать его на прицеле, тщательно обыскал. Постепенно в его руках оказался мобильник, кошелёк и револьвер.

– Тю-ю, мелкогато всё-таки работают господа шпионы. Маскировки никакой. Револьвер и тот буржуйский. Только модель что-то не уловлю.

– «Смит и Вессон»! – прокомментировал Павел. – Осторожнее, он заряженный!

– Не учите учёного! – недовольно рявкнул лейтенант и открыл кошелёк. – А это что за цветные пластмассовые фантики?

– Банковские карточки! – оглянувшись на милиционера, ответил Павел.

– Банковские? Вы что миллионер?

– Ну, вроде как да, – скромно ответил Павел.

– Иди ты! Первый раз в жизни вижу живого миллионера и тот вражеским шпионом оказался! Тьфу на вас! А всё-таки, несмотря ни на что, видно правду в наших газетах про буржуев пишут! Подлые они очень, но, – не хитрые!

Милиционер взял в руки мобильник, только приноровился его получше разглядеть, как из-за поворота показалась чёрная «Волга» с мигающими за обшивкой радиатора синими проблесковыми маячками. Служивый отложил в сторону непонятное устройство, лихо соскочил с коляски, поправил галстук, фуражку и взял под козырёк. А в это время чёрная двадцать четвёртая «Волга» объехала «ЗИЛ», и остановилась недалеко от лежащего на земле Павла. Двери открылись из неё вышли трое человек в штатском. Первый из них был пожилой и держался по отношению к сопровождающим независимо. Время от времени он что-то им говорил, а те лишь кивали в ответ. Подойдя к Павлу, начальник внимательно оглядел задержанного и почему-то удовлетворённо хмыкнул. Милиционер подскочил к сотрудникам госбезопасности.

– Лейтенант Приходько! – вытянувшись во фрунт, рявкнул милиционер.

– Потихе кричи, – недовольно поморщился седовласый сотрудник органов. – Майор госбезопасности Белов. Мы забираем у вас задержанного!

– Но, товарищ майор, а как на это среагирует моё начальство? – попытался воспротивиться постовой. – Я уже доложил подполковнику Сидорчуку о задержании подозрительного лица в виде шпиона!

– Не переживай так, лейтенант! Я уже уведомил ваше руководство о своих действиях! Оно в курсе того, что мы забираем этого человека к себе.

Майор кивнул на лежащего на земле Павла и приказал своим подчинённым:

– Оденьте на него наручник и в машину! Какие-то вещи были у задержанного с собой? – майор вновь повернулся к милиционеру.

– Вот, на люльке мотоцикла всё, что у него обнаружил! – продолжая стоять по стойке смирно, ответил лейтенант.

Майор пошёл к мотоциклу. Не обращая внимание на револьвер, и кошелёк взял в руки мобильник и хищно усмехнулся, а затем обернулся к милиционеру и небрежно бросил:

– Руку опусти, хватит честь мне отдавать! Не терплю солдафонства!

Повернулся к бегущему от «Волги» подчинённому и нетерпеливо рявкнул:

– Где ты там возишься? Давайте быстрее!

– Наручники в багажнике забыли, Антон Константинович! – оправдывался черноволосый парень в тщательно отутюженном сером костюме. – Совершенно новенькие наручники! Только сегодня получили со склада!

Молодой чекист перешёл на шаг, остановился и присел рядом с Павлом. Отработанным движением одел на него наручники и вместе со своим напарником усадил на землю. Владелец лимузина был совершенно растерян и сбит с толку от происходящего вокруг него мистерии. Он даже не пытался сопротивляться.

– Встаём и идём к машине! И не вздумайте бежать! Мы готовы применить табельное оружие! – раздался резкий приказ молодых чекистов.

Крепкие руки подхватили Павла и ловко затолкали его в стоящую рядом автомобиль. Тут же с одного и второго бока сели сотрудники безопасности, а через минуту в машину, на сиденье рядом с шофёром сел майор. Хозяин антивирусной компании посмотрел на своих новых спутников и в одном из них узнал черноволосого парня, который стрелял в него, и непроизвольно вздрогнул. Ему показалось, что тот очень быстро и хладнокровно улыбнулся ему, как старому знакомому. Машина резво тронулась с места. Павел оглянулся и посмотрел на свой «ЗИЛ».

– Наш человек присмотрит за твоим лимузином, пока не подъедут наши специалисты! – не оборачиваясь прокомментировал майор, и тут же, резко приказал шофёру. – Давай побыстрее, на Лубянку! Нас уже ждут!

Глава 2. Канадский синдром

В советском посольстве в Оттаве уже который день ходили слухи о том, что полномочного посла Яковлева Александра Николаевича и второго секретаря посольства Колокольцева Никифора Петровича отзывают в Москву для консультаций. Знали и то, что второй секретарь посольства – это человек из органов. Посол и секретарь принадлежали совершенно различным ведомствам, а отзывали обоих одновременно. Сотрудники посольства продолжали работать в обычном режиме и внешне не выказывали ни малейшего беспокойства или излишнего любопытства, хотя о перспективах своего дальнейшего пребывания в Канаде они имели весьма смутные представления. Как раз накануне в МИД страны пребывания был вызван посол и ему была заявлена Нота протеста с требованием в течение сорока восьми часов тринадцати сотрудникам посольства покинуть пределы страны. Списки отбывающих ещё не огласили и каждый из посольских работников был поглощён размышлением о своей дальнейшей судьбе. Ведь не исключалось, что после отзыва из капстраны любого из них могут направить в какую-нибудь третьестепенную страну в Африке или на ближнем Востоке. А это уже совсем другая зарплата. Но, среди сотрудников посольства не было принято совать свой нос туда, куда тебя не просят, или проявлять излишнее любопытство и инициативу. Любое проявление нездорового интереса могло негативно сказаться на карьерном росте сотрудника, вне зависимости от его нынешнего положения. Ведь никому не хотелось уезжать с насиженного места обратно в Союз. Тем более, что это была не какая-нибудь третьестепенная страна соцлагеря, а развитая капстрана.

– Ну что, Никифор Петрович, скоро мы с тобой будем в Москве. – тяжело вздохнув, задал риторический вопрос Александр Николаевич. – Ты часом, по своим каналам, не проведал, насколько там серьёзные к нам претензии?

– Не знаю! – недовольно проворчал собеседник.

– Ты же полковник, в органах служишь, и, к тому же, ещё и резидент. Должен много чего знать! Даже то, чего я пока ещё не знаю!

– На Лубянке говорят коротко: «Для консультаций». Но, я печёночкой чувствую, что одними «консультациями» дело для меня может и не закончиться. Прямо начальство, пока, ничего мне не объясняют. На мои вопросы отвечают лишь то, что на месте всё сам узнаю. А про ваши цеховские дела я вовсе понятия не имею. Эти проблемы уже не моего уровня.

– М-да, начальству не прикажешь как нам жить. Получается, что только в Москве и узнаем про свою судьбу. А что делать? Остаётся нам только паковать свои чемоданы. Билеты уже заказаны. Рейс «Аэрофлота» завтра утром. Так что, время у нас с тобой ещё есть. Кстати, ты по магазинам ещё не успел пробежаться? Может возьмём жён и на прощанье – пройдемся, подарки друзьям и знакомым прикупим? А то ведь можем из Москвы обратно в Канаду больше и не вернуться.

– Какие магазины при моей работе? Смеёшься что ли? – недовольно посмотрел на посла Никифор Петрович, будто бы его коллега по посольству был виноват в высылке его людей из Канады. – Тринадцать моих человек канадцы завернули обратно на родину. Моих людей в Канаде теперь осталось всего-ничего. Скоро работать будет некому, весь фронт одним махом оголили, сволочи! А вчера, неожиданно для себя, по «секретке» получил приказ на своём возвращении. Хотя буквально накануне обстоятельно доложил начальству о сложившейся ситуации с людьми. Претензий ко мне не предъявляли. А сегодня уже совсем другой коленкор! Вот и пришлось мне оставшихся людей срочно вводить в курс дела. Теперь нужно будет им работать за себя и того парня! Потом, с заместителем своим по объектам решил проехаться. Свёл его с некоторыми людьми. Представляешь, даже времени кофе попить в какой-нибудь самой паршивой забегаловке и то, не нашлось. Так что, не до подарков мне вчера было, Александр

Николаевич! Вот, приеду в Союз, узнаю, кто это наших ребят продал – все силы приложу, но по стенке размажу этого Иуду!

Посол поморщился от резкого тона комитетчика и примирительным тоном произнёс:

– Это когда ещё будет? До Москвы пока ещё далеко! А пока, может на прощание отлучимся до вечера? Думаю, что товарищ посол, в моём лице, войдёт в наше с тобой тяжёлое положение и отпустит нас в город. Тем более, что мы поедем под твоим бдительным присмотром! А за одно, зайдём в какой-нибудь ресторан, немного снимем стресс и отпразднуем отбытие на Родину? Жён с собой возьмём – пусть напоследок повеселятся! – глядя на кислое выражение лица собеседника усмехнулся Александр Николаевич.

Чекист с полминуты изучающе смотрел на посла, а затем тяжело вздохнул, махнул рукой и, натужно улыбнувшись, ответил:

– Семи бедам не бывать, а одной не миновать! Ладно, поехали! Посмотрим – чем тут буржуи в своих ресторанах людей потчуют!

Буквально через полчаса посол со вторым секретарём к великой радости их жён уже ходили по магазинам и тратили накопленную за годы пребывания за границей валюту. Несмотря на разразившийся экономический кризис, который вызвал падение курса доллара, товары из магазинов не исчезли. Только ценники на них быстро менялись. И то, что вчера можно было купить гораздо дешевле, сегодня уже торговали чуть ли не в двое дороже. Александр Николаевич с женой азартно закупались, но они старались выискивать подарки родственникам по скидкам, а себе не отказывали в удовольствии и брали не то, что подешевле, а то, – что получше. Второй секретарь тщетно пытался укоротить аппетит своей жены и отговаривал от очередной дорогой покупки, но супруга у него была женщина с норовом и ни за что не отступала от приглянувшейся ей безделушки.

Уже ближе к вечеру, отпустив шофёра с покупками обратно в посольство, они пристроились в уютном ресторане «Оттава». Приятный ужин, за хорошо сервированным столиком с дорогими винами и закусками был в самом разгаре, когда Александр Николаевич поднял бокал с искрящимся в ярком свете люстр вином и торжественно воскликнул:

– Предлагаю тост! – на его раскрасневшемся лице отразилась целая вереница эмоций от полной радости до тихой грусти. – Давайте выпьем за то, чтобы нам всем удалось вернуться из Союза обратно в целостности и невредимости!

– Сплюнь, Сашуня, а то ещё сглазишь ненароком! – рассмеялась в ответ его жена, одновременно с ним поднимая свой бокал, но тут же улыбка с её лица пропала, и она вызывающе посмотрела на второго секретаря посольства. – Ты ведь ещё не знаешь какие на тебя бумаги нарыли наши «друзья» из самого «высокого дома» Союза, откуда очень хорошо виден солнечный Магадан.

– А я и не боюсь! Пусть меня смотрят, хоть под микроскопом! Я чист перед нашей любимой партией и страной, аки только что родившийся младенец! Хоть сейчас могу предстать перед «серым кардиналом» нашей партии, товарищем Суловым для отчёта о проделанной мной работе за границей моего любимого государства! Как сейчас помню: не привлекался, не участвовал, и, даже, не помышлял! – рассмеялся посол и с хитрой улыбкой посмотрел на второго секретаря.

– Если, вдруг, тебя потянут туда, где труд бесплатен и не столь радостен, то, думаю, что и про меня не забудут мои нынешние коллеги! – с безразличным видом ответил Никифор Петрович и тоже поднял бокал. – Мы с тобой хорошо и честно поработали в Канаде и думаю, что в Союзе нашу работу оценят по достоинству, а высылка дипломатов не отразится на нашей перспективе карьерного роста. Так что, пьём за наше скорое возвращение обратно в нашу дорогую Канаду! Прозит, дорогие товарищи!

Второй секретарь с оптимизмом поднял бокал, но чокнуться им с сидящими за столом ему не удалось. Именно в это время мимо него шла неуверенной походкой подвыпившая моло-

дая дама в вечернем платье с глубоким вырезом на спине. Она неуверенно пошатнулась и налетела прямо на него. Полный вина бокал опрокинулся и его содержимое пролилось на дорожный костюм. Дама каким-то чудом оказалась на коленях у секретаря посольства.

– Pardonne moi! – слегка заплетающимся языком произнесла незнакомка на французском, улыбнулась, и невозмутимо поцеловала в щёку растерявшегося чекиста. Встала и как ни в чём не бывало пошла дальше.

Сидевшие за столом посольские так и застыли с поднятыми бокалами. Первым бокал с вином поставила на стол жена второго секретаря. Бросила короткий ненавистный взгляд на садившуюся за соседний стол фривольную молодую красотку, где ей помогал поудобнее устроиться молодой кавалер. Незнакомка в ответ на пристальный взгляд лишь непринуждённо улыбнулась и принялась о чём-то спорить со своим спутником.

– Терпеть не могу фривольное обращение этих молодых француженок! Никакой воспитанности и такта в поведении в общественном месте! – резким тоном произнесла посольская дама, обернулась к мужу и недовольно посмотрела, как тот пытался салфеткой затереть винные пятна на брюках. – Сходи в туалет и смой со щеки эту дурацкую помаду! А затем, замой штанины брюк тёплой водой, а то свой новый, дорогой костюм окончательно испортишь! Нужно будет по приезду отдать его в химчистку. Только купили, ещё до дома не успели доехать, а костюм уже, видимо, на помойку выбрасывать придётся! Здесь бы, в Канаде ещё хоть прилично его почистили, а у нас... Эти, так называемые, «дома быта»! Убожество одно!

– Ну, вот! Сглазила, подлюка! – не вытерпела и жена посла. Она из женской солидарности тоже с ненавистью посмотрела на виновницу инцидента

А та уже обо всём забыла. У неё всё было хорошо и она теперь о чём-то весело щебетала со своим молодым компаньоном. Видно, уже помирились.

Никифор Петрович поднялся из-за стола, положил на стул полотенце, а затем, направился в мужскую уборную. Выходя из зала, он оглянулся и встретился взглядом с француженкой. Та улыбалась и посылала ему воздушный поцелуй в качестве компенсации за причинённое неудобство. Ничего не ответив, секретарь посольства отвернулся и пошёл к двери в уборную. Взялся за ручку. Открыл дверь и чуть ли не в лоб в лоб столкнулся с пожилым господином. Задели друг друга плечами. Вновь «Pardon!»², дежурная улыбка и тут же разошлись.

– Да что за день такой! То один в меня врежется, то другой! – в сердцах сплюнул Никифор Петрович и, наконец, зашёл в уборную.

Подошёл к зеркалу. Снял пиджак, осмотрел его, но благо на нём не было ни единого пятнышка, а вот брюки были прилично залиты вином. Выглядели они весьма непрезентабельно. Пришлось снять костюм и повесить его на крючок, дабы не мешал замывать штанины брюк. Взял салфетки, открыл кран и принялся за дело. Никифор Петрович так увлёкся своими брюками, что не обратил внимание на бесшумно вошедших господ в тёмных костюмах. Те встали за его спиной и терпеливо наблюдали за тем, как он усердно чистит брюки. Вошедшие молчали и не прерывали его занятие. Спустя некоторое время пострадавшие брюки были отмыты от липкого вина и посольский секретарь, наконец, почувствовал неладное. Он оглянулся. Оказывается, двое джентльменов стояли за его спиной и вежливо ждали пока он освободит раковины. Они даже улыбались ему.

– Извините, господа! Я занял сразу обе раковины. Сейчас освобожу! Понимаете, неудачно поднял бокал и вот вам результат! – сконфуженно произнёс Никифор Петрович на французском и хотел снять с крючка пиджак, как один из мужчин командным голосом потребовал:

¹ Простите меня! (фр.)

² Извините! (фр.)

– Не прикасайтесь к пиджаку, месье! Конная полиция, пятое управление! Вы задержаны по подозрению в хранении и сбыте наркотиков на территории Канады!

И тут же дверь уборной неожиданно открылась и в небольшое помещение вошла целая группа людей с фотоаппаратами и вспышками, а за ними ещё и ещё. Это были корреспонденты газет. Щёлкали затворы фотоаппаратов, ярко били в глаза вспышки. Все журналисты даже не помещались в небольшой комнате уборной. Один из тех репортёров, что стоял ближе всех, громко крикнул:

– «Сайнс Монитор»! Мистер, Колокольцев! Вы и ваше посольство как-то связаны с доставкой наркотиков в Канаду? Вы признаёте своё участие в организации каналов сбыта наркотиков в Канаде?

Тут же, разом загомонили и другие корреспонденты. Они стали задавать множество самых дурацких вопросов. Никифор Петрович откровенно не понимал в чём дело, а полицейский с ловкостью фокусника достал из кармана его пиджака пару небольших, пластиковых мешочков с белым веществом. Он потряс ими перед объективами камер фоторепортёров и с победным видом устоял на задержанного.

– Как вы можете объяснить наличие в вашей одежде двух мешочков с наркотиками?

– Я вам ничего не буду отвечать! Я сотрудник советского посольства. Во внутреннем кармане пиджака мой дипломатический паспорт. Я требую немедленной встречи с послом!

– Мы уже проинформировали вашего посла о вашем задержании и необходимости провести с вами беседу. Он как раз, на момент вашего задержания находился в зале ресторана, и мы надеемся, что господин посол не имеет никакого отношения к вашей противоправной деятельности на территории Канады!

– У меня дипломатический иммунитет! А наркотики мне только что подбросили.

– Мы знаем о вашем дипломатическом иммунитете и, поэтому, заранее получили согласие вашего посла на беседу с вами! Тем более, если вы сможете доказать, что наркотики вам подброшены и у вас есть свидетели происшествия, – тогда вам тем более ничего не грозит!

– Мы с послом и со своими жёнами сидели за столом, когда одна дама споткнулась и села ко мне прямо на колени. Она выбила из моих рук бокал и тем самым отвлекла моё внимание, а за это время скорее всего подложила мне в карман эти два пакета наркотиков!

Никифор Петрович указал на эти злосчастные пакеты, но тут раздался знакомый голос. Он посмотрел на дверь. Там корреспонденты уже расступились и пропустили в помещение уборной советского посла. Тот как-то виновато посмотрел на секретаря посольства и мягко произнёс:

– Я убеждён, что это всего лишь недоразумение, Никифор Петрович. А пока, не будем из-за какой-то глупой случайности поднимать излишний шум. Нам, перед самым отъездом на Родину, он совершенно ни к чему, и я надеюсь, что господин полицейский пойдёт нам навстречу и попросит корреспондентов, хотя бы какое-то время не публиковать сей вздорный материал. В противном случае мы немедленно опубликуем Ноту официального заявления по поводу политической провокации и незаконного задержания сотрудника советского посольства.

– Ваш сотрудник, господин посол, утверждает, что именно в вашем присутствии незнакомая дама подложила наркотики. Вы действительно видели эту даму и тот момент, когда она подкладывала наркотики? А, следовательно, вы можете описать её внешность?

– Даму, которая ненароком столкнулась с моим сотрудником я видел, но то, что она что-то подкладывает в карман сотрудника нашего посольства, как-то не разглядел. Всё так очень быстро произошло! Но, я более чем уверен, что был совершён акт политической провокации!

– Может твоя жена что-то видела, Александр Николаевич? – с надеждой в глазах спросил Никифор Петрович. – Она ведь сидела как раз рядом со мной. Моя же жена сидела напротив

меня и стол не давал ей возможность хорошо разглядеть, что происходит, но ты и твоя жена могли видеть, как эта француженка подложила мне наркотики?

– Да что ты! Что ты! – замахал руками посол. – Моя жена у меня такая невнимательная, а я в то время, к сожалению, смотрел совсем в другую сторону. Так что, извини, но, не видел я ничего. Мне сейчас нужно будет отлучиться в посольство и доложить руководству о случившемся инциденте. Как только свяжусь с Москвой, и получу соответствующие инструкции, я приеду к тебе в участок полиции с официальной Нотой протеста, и мы всё уладим. Прошу тебя, Никифор Петрович, пока подчинись и съезди с господами полицейскими в участок для составления протокола. Я уверен, что это только формальность! Буквально через час буду уже у тебя в участке!

Александр Николаевич вызвал своего шофёра и вместе с женщинами уехал в посольство. Проходя через зал в сопровождении полицейских, Колокольцев бросил взгляд на столик, за которым ещё совсем недавно сидела пьяная француженка, но стол, как и стоило того ожидать, был пуст.

В это время, недавно назначенный глава первого отдела второго главного управления КГБ СССР подполковник Семёнов Валерий Фёдорович по старой традиции, когда-то ещё заведённой его предшественниками, по прибытии на службу пролистывал ежедневную сводку. Это была целая подшивка отпечатанных на машинке листов бумаги с грифом для служебного пользования. Сегодня к ней добавилось ряд сообщений службы «Р» и среди них упоминание о том, что в конце августа Франкфуртским агентурным радиоцентром ЦРУ начались односторонние передачи для нового корреспондента. Передачи шли кодом Морзе и начинались с многократной передачи позывного «триста восемьдесят шесть». По данным предварительного анализа и компарирования зона уверенного приёма сигнала передатчика распространялась на Москву и её область, и, частично, на прилегающие к ним Тульскую и Смоленскую, включая областные центры – Тулу и Смоленск.

– Читал, Аркадий Павлович? – просмотрев до конца сводку, спросил начальник отдела своего заместителя, который до того молча сидел напротив него.

– Уже успел ознакомиться, – ответил по-спортивному подтянутый мужчина с лёгкой сединой на висках.

– Тогда ответь мне: что это значит: «по данным компарирования»? – спросил Валерий Фёдорович.

Начальнику отдела было неловко спрашивать у своего заместителя значение разных терминов, которые применялись в контрразведке, но иногда это приходилось делать, так как, к сожалению, не всё ему успели объяснить за два года ускоренных курсов в Высшей школе КГБ СССР, куда его вместе с другими секретарями партийных и комсомольских организаций направили на учёбу по прямому указанию из центрального комитета. Председатель КГБ СССР Андропов постепенно заменял руководящий состав вверенной ему организации на более молодых людей, на которых он мог бы уверенно опереться. Каждый вновь назначенный помнил и никогда не забывал, – кому он был обязан своим продвижением. Председатель комитета замыслил заменить руководящие кадры по всей стране на молодых и динамичных людей, которые не станут цепляться за старые методы работы и вдохнут новую жизнь в старые меха. Волей судьбы он получил первичный доступ к состоянию дел по всей стране и теперь от него зависит: какая информация ляжет на стол генерального секретаря. А то, что и он сам со временем обязательно станет руководителем СССР, Юрий Владимирович Андропов не сомневался. Главное – это пока не спешить, потому что фальшь-старт может легко зачеркнуть шанс на победу.

Заместитель начальника отдела был опытный сотрудник, начинавший ещё в пятидесятые годы младшим оперуполномоченным. За двадцать с лишним лет службы успел пройти огонь, воду и медные трубы. На его счету было немало оперативно значимых дел и почти десятков выявленных агентов спецслужб противника. Все в отделе прочили подполковнику Баранни-

кову должность начальника отдела, но судьба распорядилась иначе. Он испытующе посмотрел в глаза сидящему напротив него назначенцу Андропова.

– По всей стране одним из наших подразделений, а именно: службой «Р», организованы посты измерения уровня напряжённости поля от передатчиков агентурных радиоприёмников нашего вероятного противника. Все данные измерения приходят к нам в Москву и при помощи вычислительной техники специалисты составляют карту зон вероятного приёма сигналов центра иностранными агентами при условии, что приём ведётся на обычный бытовой приёмник. Сам метод измерения называется – компарирование.

– Понятно, но здесь в сводке указано, что Франкфуртский радиоприёмник начал работу на частоте 13645 и 10450Кгц. Я хоть и не большой радиоспециалист, но помню, что таких частот на моём приёмнике нет.

– Совершенно, верно. На наших советских радиоприёмниках таких частот действительно нет, но они есть на некоторых моделях импортных приёмников. При наличии такого приёмника сигналы центра можно уверенно принимать, например, сидя в Кремле, – хитро посмотрев на своего начальника, неторопливо объяснял седовласый заместитель.

Услышав такие слова, бывший комсомольский секретарь, который был лет на десять моложе своего подчинённого, слегка вздрогнул. Он и помыслить не мог о таких кощунственных вещах, что в руководстве страны может быть предатель. Опустил глаза, но тут же постарался взять себя в руки и даже для важности пристукнув ладонью по столу. Валерий Фёдорович посмотрел в глаза заместителя и слегка осипшим голосом произнёс:

– Вы что такое себе позволяете, Аркадий Павлович?! Хорошо ещё, что ваши подчинённые не слышат речей своего начальника! Это разве можно такое удумать, чтобы вражеский агент сидел в самом сердце нашего государства – в Кремле?!

– В нашем деле всех проверять нужно – снизу доверху, но Хрущёв нам руки поворачивал, а Брежнев и его окружение боится вернуть всё обратно. А то, начиная с первого секретаря не то, что трогать, смотреть в их сторону нашим ребятам нельзя! А что эти секретари не люди? Слабостей совсем не имеют? Настоль идеологически стойкие, что даже не могут быть завербованы вражеской разведкой? Разве для людей во власти «золотой телец» блестит по-другому?

Только теперь Валерий Фёдорович заметил, что несмотря на то, что заместитель, как бы усмехался, его глаза оставались абсолютно серьёзными.

– Какая вас муха сегодня с утра укусила, Аркадий Павлович? Я действительно из бывших первых секретарей! Так что, по-вашему, я тоже завербованный вражеский агент, наворовавший кучу денег и только, и мечтаю, как очередной секрет Родины подороже врагу продать?!

Заместитель слегка улыбнулся и тяжело посмотрел на своего начальника. От такого взгляда Валерию Фёдоровичу стало не по себе. Слово перед ним внезапно оказался старый боевой пёс, каким-то образом сумевший до поры до времени рядиться в овечью шкуру. Бойцовый пёс лишь слегка оскалил острые клыки и разом, всем вокруг стало страшновато. Происходило что-то непонятное и мистическое. Даже предательский липкий пот прошёлся у Валерия Фёдоровича по спине. До него уже дошёл слух, что перед Аркадием Павловичем даже самый матерый агент с железными нервами не сможет устоять. Стоит старому чекисту лишь посмотреть на задержанного своей ледяной улыбкой и несколько бессонных ночей несчастному агенту обеспечены. На следующее утро он сам всё расскажет. И только ради того, чтобы больше ни разу в своей жизни никогда не встречаться с улыбкой этого чекиста.

– Эту злую муху зовут – Канадой! Вы, наверное, уже слышали, что на днях объявлены персонами нон-гранта тринадцать наших сотрудников посольства?

– Слышал. Ничего, мы столько же сотрудников канадского посольства отправим им обратно! – беспечно ответил новый начальник отдела.

– А сколько полезных связей и информаторов мы потеряем? Это же не машинисток выдворили, а специально отобранных и тщательно обученных людей! Теперь как минимум

половину контактов нужно будет заново пытаться восстанавливать, и не факт, что это нам удастся сделать в полном объёме! – с горечью в голосе ответил заместитель.

– Так, когда, говорите, наших отправили домой?

– Два дня обратно, а что? У вас есть идеи?

– Согласно сводке, которую я только что изучил, новые передачи агентурного центра началась неделю назад. И вот у меня возникла мысль: а не для кого-то из возвращающихся домой из Канады начались эти передачи?

Начальник отдела хитро посмотрел на своего заместителя и вновь увидел его улыбку, но теперь она была уже другой. Не ледяной, бездушной, а лукавой улыбкой чеширского кота, готового сейчас же исчезнуть из кабинета и появиться там, где его меньше всего ожидают.

– Как версию можно принять, но тогда у нас уже не тринадцать, а пятнадцать подозреваемых. Тринадцать сотрудников посольства, сам посол и наш полковник – резидент разведки в Канаде. Кстати, с ним случилась неприятность. При посещении ресторана в Оттаве у него канадская полиция нашла пару пакетов с наркотиками. Его пока не отпускают. МИД и мы, со своей стороны, по своим каналам пытаемся урегулировать вопрос об освобождении из-под стражи и отправке нашего сотрудника на Родину.

– Вот и возьмитесь, Аркадий Павлович, за разработку этой версии. Скоро все они придут обратно в Москву. А на полковника нужно будет обратить более пристальное внимание.

– Людей у нас не хватит, чтобы сразу следить за всеми, а ребята из разведки не дилетанты – а с опытом работы в поле. Трудновато нам будет, – ответил заместитель начальника отдела.

– У вас же большой опыт работы, Аркадий Павлович! Обдумайте наиболее эффективный план проведения мероприятий, задействуйте резерв, привлечите к операции семёрку, сотрудников службы «Р».

– Слушаюсь, товарищ подполковник! Разрешите идти?

– Идите, Аркадий Павлович. Завтра с утра я жду вас с подробным планом мероприятий.

Глава 3. Дом, откуда видна вся страна

Внешний вид комплекса массивных зданий, куда Павла привезли люди на чёрной «Волге» и его название «Лубянка», хорошо знал не только он сам, но и, как говорится, и стар и мал по всей стране и даже множество люди во всём мире. А ещё, во всём мире многие люди хорошо знали имя хозяина этого дома. Сколько раз Павлу доводилось проходить мимо его массивных мраморных стен. Но, сейчас ему в очередной раз дали убедиться в реальности переноса во времени. Перед ним возвышалось главное здание чекистов, которое архитекторы за сорок лет не успели логически объединить сталинскую пристройку со старым, дореволюционным зданием. Она так и оставалась массивной архитектурной несуряницей, искусственно навязанной и довлеющей над старой постройкой. Лишь в годы руководства Андропова устранили сей вопиющий диссонанс.

– Что приостановились? – с некоторой снисходительностью в голосе спросил Павла идущий позади него майор. – Непривычно выглядит здание? Пройдёт немного времени – привыкните, хотя, отдельным товарищам это до сих пор почему-то не удаётся!

Павел обернулся и посмотрел в хитро улыбающиеся глаза майора. Получается, что тот прекрасно представлял с кем имеет дело.

– Вы знаете откуда я к вам прибыл?

– Работа у нас такая, у чекистов, – обо всех всё знать! – подняв кверху указательный палец, назидательным тоном добавил чернявый сотрудник конторы.

Тот самый, который стрелял по машине. Теперь Павел был уверен, что именно этот тип хладнокровно выпускал пулю за пулей в его сторону. «Для чего? Он хотел меня убить или просто припугнуть?», – подумал Павел, но чернявый легко подтолкнул в плечо задержанного и резко приказал:

– Идите, не останавливайтесь!

Его коллега открыл перед Павлом массивную дверь и пропустил вперёд себя. Майор прошёл следом и остановился рядом с дежурным в военной форме. Показал своё удостоверение. Объяснил, что гражданин приведён для выяснения личности. Затем, кому-то позвонил, передал трубку дежурному. Тот некоторое время слушал, после чего ответил: «Есть!» и быстро оформил временный пропуск для Павла. Дальше, вперёд на лестницу. И вот, Павел внутри главного здания чекистов. Ему ещё ни разу не доводилось здесь бывать, хотя по рассказам матери его отец был тесно связан с комитетом. Только вот как? Об этом Павлу никто не мог объяснить, а узнать об этом: ух, как хотелось. Он думал, что его сразу отправят в знаменитую внутреннюю тюрьму, а оттуда будут вызывать на допросы, но его повели на третий этаж. Майор отдал распоряжения своим подчинённым и те ушли, а сам, вместе с Павлом направился к дежурному по этажу. Показал ему своё удостоверение и временный пропуск задержанного. Дежурный ещё раз сверился со своими списками, а затем указал на кейс и потребовал показать его содержимое. В этом кейсе майор как раз нёс вещи Павла. Дежурного смутил пистолет, и он требовательным тоном произнёс.

– С оружием к товарищу председателю проходить нельзя! Вы должны знать требования инструкции, товарищ майор! Сдайте мне оружие под роспись, на хранение, а по возвращению от товарища председателя получите свой пистолет обратно!

Снова майор кому-то звонит, вновь разговор дежурного с неизвестным и тут же уже знакомое: «Слушаюсь!». Далеко идти не пришлось. Внезапно напротив них открылась дверь. Из неё вышел ещё какой-то сотрудник и поторопил майора:

– Давайте быстрее, Антон Константинович! Товарищ председатель уже полчаса, как ждёт вас, а ему уже скоро с докладом в центральный комитет нужно ехать!

– Я всё понимаю Леонид Федосеевич, поэтому мы и торопились, как только могли!

- Это и есть тот самый человек из будущего?
- Так точно, товарищ полковник! Он самый!
- Его личные вещи и паспорт тоже привезли?

– А как же! Вот, всё, что было при нём в момент задержания, – ответил майор и открыл кейс.

- Наручники снимите с товарища.

Майор тут же, даже с каким-то виноватым видом, снял наручники с Павла. Затем они вошли в комнату помощника председателя, но полковник пошёл дальше, к массивным дубовым дверям. Там он остановился, критично оглядел внешний вид майора и Павла. С сотрудником госбезопасности было всё порядке. Тот был одет с иголочки: ладно сидящий костюм; свежая, белая рубашка и узкий, неброский галстук. Далее взгляд полковника задержался на Павле. Его явно смутила простенькая маечка с весёлым, жёлтым смайликом, да потёртые, выцветшие джинсы. Но не переодевать же теперь задержанного. Полковник тяжело вздохнул и открыл дверь. Кабинет председателя комитета оказался гораздо больше приёмной. Длинный, дубовый стол со множеством стульев; в тон ему отделанные дубом стены; в углу массивный, белый камин; рядом за белой, лёгкой занавеской – большая карта Советского Союза. Вдали кабинета, за отдельным столом сидел седой человек в очках в тяжёлой, роговой оправе и пристально смотрел на Павла.

– Разрешите, Юрий Владимирович? Привезли Павла Глушкова. Того самого, про которого я вам только что рассказывал.

Председатель комитета встал со своего массивного кресла. Проверил: застёгнуты ли все пуговицы на пиджаке и твёрдой походкой направился к вошедшим. Майор, выпятив грудь, застыл перед начальством, но Андропов лишь сухо кивнул ему и первый протянул руку задержанному.

– Будем знакомы, председатель комитета государственной безопасности СССР Андропов Юрий Владимирович, а вас как зовут, молодой человек?

– Павел, – немного растерялся путешественник по времени. – То есть – Павел Глушков, предприниматель, владелец небольшой софтверной компании.

– А отчество ваше не подскажете мне, товарищ предприниматель? – хитро улыбнулся Андропов.

- Викторович.

– Проходите, присаживайтесь, Павел Викторович! Думаю, что вот здесь нам с вами будет удобнее всего. – Так, простите, владельцем какой компании вы являетесь?

– Софтверной, то есть создаём программной обеспечение для компьютеров, планшетов, смартфонов.

- То есть, вы хотите сказать, что являетесь программистом?

- Можно сказать и так. По специальности я – математик, – уточнил Павел.

– Значит, вы являетесь математиком-программистом, – не торопясь произнёс Андропов и на секунду задумался, после чего продолжил. – А вы, Павел, чай пить будите?

Павел быстро оглянулся на стоящего за его спиной майора. Всё выражение его лица говорило о том, что отказывать председателю комитета не стоит и невольный путешественник во времени согласно кивнул.

- Можно и чаю.

- Вот и хорошо! Полагаю, что вы уже успели немного проголодаться.

Андропов отодвинул стул, стоявший у стола заседаний, сел на него и предложил Павлу сесть рядом. Затем отправил майора отдать распоряжение, чтобы принесли из столовой чай и каких-нибудь булочек. Полковник сел вдали от них, у самого края стола и достал блокнот, чтобы записать разговор. Андропов неодобрительно покосился на него и блокнот тут же исчез в кармане пиджака помощника.

– Я знал, что вы не откажетесь выпить со мною чаю, Павел Викторович. Кстати, вы знаете, что вашего деда, так же, как и вашего отца, тоже зовут Виктор?

– Конечно, моя мама мне часто рассказывала про деда. Именно поэтому она и хотела, чтобы я тоже стал математиком. Время было тяжёлое, но нам удалось сохранить все его многочисленные награды и кое-какие научные записи. После окончания университета и защиты кандидатской я разобрался в его выкладках. Им предлагались весьма интересные идеи управления ресурсами страны, которые до сих пор не освоила ни одна страна мира. Мы могли быть первыми, но, почему-то, не стали. Его разработку неожиданно на правительственном уровне приказали свернуть, а все материалы уничтожить. Мой дед ведь был очень хороший математик и специалист по кибернетике! Его знал весь мир, он был членом многих академий, имел почетные титулы, а при ООН являлся советником генерального секретаря по вопросам кибернетики.

– Немного поправлю вас: не был, а есть! В настоящее время ваш дед, Павел Викторович, жив, но, к сожалению, борьба Виктора Михайловича, с косностью мышления отдельных наших партийных товарищей серьёзно подорвали его здоровье, хотя он ещё продолжает, в меру своих сил, трудиться на благо обороны нашей Родины. Я вижу вы в курсе работ вашего, как вы вполне справедливо сказали, великого деда. Это даже, в какой-то мере, упрощает нашу задачу. Отпадает необходимость объяснять её суть. Поэтому, спрошу вас сразу, напрямую: вы бы хотели помочь вашему деду довести до ума начатую им ещё в шестидесятые годы автоматизированную систему управления народным хозяйством СССР? Как я понял, вы ведь математик, да ещё и программист и, причём, судя по достижениям вашей компании, далеко не из самых последних. Вы уже имеете серьёзные наработки в области работы с базами данных; занимались математической обработкой информации и её анализом. С природой ведь не поспоришь – наследственностью вас не обидели! Гены – они весьма сильная штука! Не зря ведь в народе говорят, что от яблони родится яблочко, а от ёлки – шишки. К тому же, у вас есть бесценный практический опыт в вопросах программирования; вы получили кое-какие навыки в организации исследовательской лаборатории математического анализа; прошли научную и практическую подготовку в области программирования. Я вас не тороплю, Павел Викторович. Вы хорошенько подумайте над моим предложением! Мне нужны знающие и умеющие люди, способные практически с нуля начать абсолютно новое направление в управлении народным хозяйством нашей огромной страны. Я очень хорошо знаю, чем закончился неудачный эксперимент, так называемая – «перестройка» в нашей стране и мне хочется, на основе имеющихся знаний, всё же не допустить её развала. Вы ведь мне в этом поможете, Павел Викторович? Организовав единую автоматизированную систему управления страной по методике вашего деда, учёного с мировым именем, выдающегося математика-теоретика, мы сможем дать нашей стране не только шанс на выживание, но и мощный импульс для ускоренного развития. Ведь вы, как математик, должны понимать, что плановое хозяйство – это и есть математика со многими неизвестными переменными и прадедовским способом, при помощи деревянных костяшек на счётах или вращая ручку арифмометра, доставшегося нам в наследство от прошлого века, невозможно больше управлять экономикой такой огромной и сложной страной, как наша. Раз у вас сохранились архивы вашего деда, то вы, скорее всего, знаете, что предприняли американцы, когда узнали о задумке Виктора Михайловича Глушкова.

– Да, знаю. У нас в семье сохранились старые американские газеты с заголовками, что мой дед решил перфокартой заменить всё руководство Кремля, а его вычислительная техника будет с лёгкостью отслеживать всех диссидентов по стране. Конечно, это была грубая ложь, но, чем грубее ложь – тем люди охотнее в неё верят. Руководство страны испугалось, что мой дед действительно сможет заменить всё партийное руководство вычислительной машиной и тут же, как по команде, не известно откуда появились «учёные-экономисты». Они за бесплатно предложили руководству нашей страны применить в социалистической экономике эле-

менты рыночной экономики. На внедрение идей моего деда требовались денежные затраты, сопоставимые с затратами на космические и ядерные программы. Но мой дед был уверен, что эти вложения могли бы в будущем дать значительную экономию сил и средств, а затем и быстрый рост эффективности производства. Именно это сумели понять на Западе, но не так и не поняли или им не нужен был тотальный учёт сырья и ресурсов. Партийная власть позарилась на бесплатное и быстрое. В результате: экономика страны помаленьку зашла в тупик и стала съедать сама себя, а самозваные «экономисты» быстренько эмигрировали в Америку и Израиль.

– Это очень хорошо, что вы хорошо представляете себе смысл проекта Виктора Михайловича. Но, не только, как вы иронически называли их «учёные-экономисты», но и, не побоюсь этого слова, – казнокрады, прикрывающиеся партийными билетами и высокими должностями, взбунтовались против автоматизированной системы управления народным хозяйством. Внедрение сквозного учёта сырья, товаров и услуг, мешала бы им продолжать разворовывать нашу страну. Ведь при новом раскладе всё в государстве будет учтено: вплоть до каждого винтика и каждого болтика. Как тут что-то украдёшь и без труда наживёшь огромное богатство? Одна сплошная беда получается для всякого жулика! Хоть беги из страны, а бросить с таким трудом и риском для жизни наворованное – обидно, а за границу своё богатство не вывезти. Вот эти жулики-казнокрады и спелись с жуликами-«учёными»! Внешние и внутренние враги умной системы вашего деда – Виктора Михайловича нанесли по ней очень мощный удар...

Юрий Владимирович замолк. Дверь в кабинете открылась. Пришла официантка. Привезла на тележке чай и булочки. Председатель комитета спокойно наблюдал, как девушка со строго заколотыми волосами, в чёрном удлинённом платье, с белоснежным передником и в кружевном головном уборе расставляет на столе стаканы в серебряных подстаканниках и разливает по ним чай. Наконец, девушка поставила блюдо со свежеспечёнными булочками, вазочку с конфетами и молча удалилась.

– Может вы всё же чего-нибудь более существенное хотели поесть, Павел Викторович?

Павел оказался обескуражен обходительностью председателя комитета. Его дружеским тоном. Даже то, что Андропов подчёркнуто называл его по имени-отчеству, было совершенно непривычно, ибо в его небольшой софтверной компании всё было по-другому. Павел молчал. Он не знал пока, что ответить и обдумывал услышанное. Не торопился с ответом. Ведь от этого шага зависело очень многое. Андропов видел состояние гостя, а поэтому, пока перевёл разговор на другую тему.

– Ну, так как, Павел Викторович? Чай или всё-таки что-то более существенное? Мне самому даже булочки нельзя есть. Я с вашего позволения, пока вы думаете, попью чаю с сухариками. Сегодня было столько много дел, что ещё не успел поесть. Врачи Чазову докладывают, что я нарушаю режим дня, а тот будет сильно на меня ругаться!

Андропов непринуждённо улыбнулся и с любопытством посмотрел на всё ещё размышляющего гостя. Затем, не торопясь взял со стола стакан с чаем. Отпив глоток, и продолжил:

– Что же вы всё молчите, Павел Викторович? Бойтесь встретиться со своим дедом или бойтесь взять на себя ответственность? Тогда, пока вы размышляете, позвольте задать вам ещё один вопрос, но совершенно из другой области: вы случайно не знаете где сейчас находится ваш отец?

– Я как раз о нём сейчас думал и хотел такой же самый вопрос задать вам, Юрий Владимирович.

– К сожалению, ничем не могу вам помочь. Ваш отец некоторое время назад пропал из нашего поля зрения, и мои специалисты подозревают, что ему удалось каким-то образом вновь открыть «окно времени». Однажды это ему удалось, но тогда ему никто не поверил. Свидетелей эксперимента не было. И вот, снова ваш отец решил его провести и благодаря этому эксперименту вы оказались у нас в гостях. Виктор Викторович, как и его отец, велико-

лепный математик и хорошо наперёд просчитывает ситуации, и я не уверен, что мы его когда-то вновь увидим в нашем времени. По-моему, он вновь переместился к вам и теперь в вашем времени два Виктора Викторовича Глушкова. У меня есть основания для опасения, что его разработкой могут воспользоваться, так сказать, недобросовестные люди. Правда, насколько мне известно, временные переходы у него получаются неустойчивыми и трудно предсказуемыми – как по времени, так и по пространству, но ваш отец, возможно, продолжает работать над усовершенствованием своей системы, а как у него обстоят дела сейчас – мне не известно. Вот такие вот пока дела с вашим отцом. Если он выйдет на вас, будьте осторожны: вокруг него могут крутиться весьма опасные люди. Постоянно держите связь с Антоном Константиновичем. Теперь он, так сказать, ваш куратор и ангел хранитель в этом времени.

– Но ваши люди вначале в меня стреляли, а затем одели наручники и как какого-то матёрого преступника привезли к вам на Лубянку – осторожно прокомментировал ситуацию Павел и посмотрел в глаза Андропова, который после его слов задумался, но не отвёл взгляд. Андропов ещё некоторое время молчаливо наблюдал за Павлом, а потом мягко предложил:

– Вы пейте чай, Павел Викторович, пейте, а то остынет. Булочки возьмите. Они у нас свежие, вкусные и без химии, как у вас в будущем. А пока пьёте чай, расскажите мне поподробнее кто и когда из моих людей стрелял в вас.

Павел рассказал про странную погоню, которую видел на трассе. Про то, как сам увязался в эту погоню и как его остановили пули, выпущенные чернявым чекистом на «Волге». И то, что ему показалось, что стрелявший очень похож на человека, который его сегодня доставил сюда. За саму машину Павел не был уверен, так как в пылу погони как-то не разглядел номера, да и зрение у него не на высоте, но то, что стрелявший был чернявый – это он мог утверждать со сто процентной гарантией. Деда Павла даже во время войны по зрению не взяли на фронт. Видимо математические мозги и плохое зрение ему действительно перешли по наследству.

– За наручники вы уж нас извините. У вас не было легальных документов и ваше задержание не должно было вызывать лишних вопросов у тех, кто был с вами поблизости во время вашего задержания. Обещаю вам, Павел Викторович, что, если вы будете с нами сотрудничать, на вас больше никто не наденет наручники, но внешность и имя вам всё-таки придётся немного изменить. Большое дело начинаем, Павел Викторович. Не оставайтесь в стороне в тот момент, когда именно у вас появляется уникальная ситуация не допустить развала страны. Ведь вы остро переживали с вашей матерью политическую катастрофу нашего государства. Так как же, всё-таки, на счёт моего предложения: «да» или «нет»?

Немного подумав и, вспомнив мучения матери в девяностые годы, Павел согласился на предложение председателя комитета. Легализоваться каким-то образом в новом времени было нужно так и так, а что может быть лучше это делать по протекции хозяина дома, откуда видна вся страна, да ещё и попытаться не дать развалить страну? Это не каждому в жизни может выпасть такой шанс. И тут Павел вспомнил про новенький регистратор, который он буквально накануне установил в своём «ЗИЛе».

– Юрий Владимирович, а у меня в машине есть запись всей погони и того, как в меня стреляли.

– Что же вы нам сразу об этом не сказали, Павел Викторович! – укоризненно произнёс Андропов и обратился к своему помощнику. – Антон Константинович, узнай, пожалуйста: машина нашего гостя уже приехала в гараж?

– Разрешите, Юрий Владимирович, я с вашего телефона позвоню и уточню?

– Звони, а заодно распорядись, чтобы принесли нашему гостю приличный костюм и возьми на себя контроль за созданием легенды для Павла Викторовича. Скоро ему встречаться со своим дедом. Нужно, чтобы Виктор Михайлович Глушков ни в коем случае не признал в новом единомышленнике своего внука, ну а с вас, Павел Викторович, мы будем вынуждены взять подписку о неразглашении предоставленной вам информации и той информации,

которой вы будете обладать в силу своего нового служебного положения. Ещё немного и вы у нас станете полноценным гражданином Советского Союза!

Председатель комитета тихо засмеялся и посмотрел на майора. Тот в это время положил трубку телефона и с довольным видом произнёс:

– Юрий Владимирович, машина уже в нашем гараже! Новый костюм для Павла Викторовича сейчас принесут. Но, тут у нас одна неожиданная неувязочка появилась. Заводские номера на машине нашего гостя из будущего полностью соответствуют номерам на вашей машине, Юрий Владимирович.

– Интересно, оказывается Павел Викторович на моей машине катается, – улыбнулся Андропов и с любопытством посмотрел на Павла. – Тогда, Антон Константинович, придумай что-нибудь более-менее естественное для нашего начальника гаража. А, если он встанет в позу, скажи, что так сделали на автозаводе по моему личному распоряжению!

– Будет сделано, Юрий Владимирович!

– Хорошо! Что дальше делать – ты сам знаешь. Если что, то связь со мной будешь держать через моего старшего помощника. А пока, вместе с Павлом Викторовичем сходите в гараж и просмотрите запись. Нужно будет как можно скорее выявить эту «крысу» и узнать кто он и на кого работает!

Новенький костюм, рубашку, галстук, носки и туфли Павлу принесли буквально через пять минут. К его удивлению, размер был тюелька в тюельку, будто бы кто-то тайком с него успел снять мерку. На его удивлённый взгляд майор лишь отвечал хитрой ухмылкой.

Комитетский гараж оказался весьма солидной организацией в организации с множеством людей и техники. А его начальник оказался очень дотошным мужиком. Он тут же, сходу налетел на майора:

– Почему меня не предупредили, что у председателя будет машина-двойник. Как я её на учёт с одинаковыми номерами буду ставить? И отчего пулевое отверстие в правом крыле?

– Ты не части, Михалыч! Лучше не трепи лишнее, да прикуси язык и проводи нас до машины. Нам её ещё осмотреть необходимо на предмет возможной диверсии, но ты об этом никому ни слова не скажешь! Понял меня? И, кстати, место повреждения нужно будет так заделать, чтобы под микроскопом и при большом желании ничего не было видно! – грозно наехал на начгара майор.

– Понял уж, – хмуро ответил Михалыч и воинственно добавил. – Но предупреждать заранее о «двойнике» всё равно положено!

Майор подёргал двери машины. Они были закрыты. Удовлетворённо улыбнувшись, он достал из кармана брюк ключи с брелоком. Хотел уже вставить в замочную скважину и открыть дверь машины, но Павел аккуратно забрал у чекиста ключи и нажал на кнопку на брелоке. Мигнули подфарники «ЗИЛа» и зажужжали электро-замки на дверях.

– Я забыл сразу предупредить вас, что машину просто так открывать нельзя. Сигнализация заорала бы как оглашенная на весь гараж, – прокомментировал Павел и открыл дверь.

– Импортную небось поставили сигнализацию, – уважительно цокнул языком стоявший рядом начальник гаража. – Только вот зачем? Всё равно наш председатель никогда один на машине не ездит, а шофёр её где попало на улице не оставит.

– Экспериментальный образец машины! – с ходу ответил майор. – С улучшенной системой безопасности!

– Ну, ежели только что экспериментальный. Ладно, некогда мне с вами тут попусту лясы точить! Работать надо! А вы тут уж сами во всём разберётесь. Мне кое-какие распоряжения людям нужно отдать.

Начальник гаража ушёл, и они, наконец-то, смогли спокойно уединиться в салоне машины. Павел взглянул на видеорегистратор. Оказывается, система до сих пор работала и писала то, что делается за пределами машины и в её салоне.

– Сейчас отмотаем назад и посмотрим номер машины и на этого лихого стрелка, – уверенно произнёс Павел.

Он включил на перемотку в начало записи. Запустил воспроизведение. На экране замелькали кадры, но это уже была новая запись. Ещё раз отмотал в начало. Какое-то тёмное пятно мелькнуло в салоне в то время, как машину начали грузить на трейлер. Но ни записи поездки по трассе, ни погони со стрельбой Павел так и не нашёл. Снова перемотал в самое начало записи и нажал на кнопку «проигрывание». Результат тот же самый. Быстро мелькает в салоне тёмное пятно и исчезает. Павел стал смотреть запись дальше, в надежде, что это чёрное пятно вновь появится в салоне, но тщетно. Вплоть до приезда в гараж в салоне машины больше никого не было.

– Красивая картинка. – с уважением разглядывая, как дивное устройство крутит пейзаж за лобовым стеклом, произнёс майор. – Не то, что у нас, на наших домашних телевизорах. Только вот больно уж маленький экранчик, а показывает очень чётко! Сразу видно, что импортная вещица! А на сколько записи у неё хватает?

– Аппарат пишет где-то часов десять-двенадцать, но сделан он в России! Правда комплектующие не наши!

– Да ну, правда, что ли, эту штуковину наши сумели сделать? – удивлённо спросил майор.

– Наши-наши, но записи гонок и стрельбы у нас, кажись, нет! – удручённо произнёс Павел и растерянно посмотрел на майора. – Кто-то уже умудрился до нашего прихода стереть сегодняшний файл и заново включить на запись, чтобы забить память флешки до отказа и не дать нам восстановить прежнюю запись. Кто-то шибко умный на нашу голову здесь в вашем времени нашёлся. Отлично знает, как с техникой будущего обращаться! Что мы теперь Андропову скажем про крота в комитете?

– Что скажем? Скажем, что подвела нас всемогущая техника будущего! Головой теперь нам думать придётся, да той техникой, которой мы располагаем здесь и сейчас поработать! Кстати, и с твоей хвалёной импортной сигнализацией этот «кто-то» тоже легко справился, – ответил майор и задумчиво посмотрел через боковое стекло автомобиля на начальника гаража, который в это время давал втык какому-то шофёру.

Глава 4. Адвокат

– Месье, Колокольцев, так вы продолжаете настаивать на том, что эти два пакета с наркотическими веществами вам были подброшены в ресторане неизвестной дамой? – с ехидной улыбкой, развалившись на стуле и сложив ногу на ногу, спросил следователь у задержанного второго секретаря советского посольства.

– Точно так, месье следователь! Я именно настаиваю на том, что неприятное событие в ресторане «Оттава» было организовано вашими спецслужбами с целью компрометации деятельности советского посольства в Канаде. Равно, как и высылка наших тринадцати сотрудников посольства! Это всё звенья одной цепи! Вы хотите дискредитировать работников советского посольства в глазах мировой общественности, но для вас этот фокус так просто не пройдёт! Я в этом абсолютно уверен! Скоро будет соответствующая реакция со стороны правительства Советского Союза!

– Хорошо! Но, в таком случае вы сами должны быть заинтересованы, чтобы канадская полиция как можно скорее завершила своё расследование и доказала вашу невиновность. Ведь так, месье Колокольцев?

– Я уже вам уже несколько раз рассказал всё, что помню о том, как я провёл вечер! Уже сообщил вам и о подозрительной даме в ресторане. Мне нечего больше вам добавить к уже сказанному мной! Я требую немедленно вызвать советского посла! У меня есть действующий советский дипломатический паспорт!

– Могу сообщить вам, что ваш господин посол накануне срочно вылетел в Москву и тем самым оставил вас без своей дипломатической поддержки, месье Колокольцев. Теперь можете надеяться только на поддержку первого секретаря вашего посольства, а это, согласитесь, уже совсем не тот ранг. Кроме того, вы только формально числитесь сотрудником советского посольства. На самом деле вы являетесь полковником КГБ и осуществляли на территории Канады под дипломатическим прикрытием руководство деятельностью советской шпионской сети! Причём, ваша противоправная деятельность, как резидента вражеской разведки, классифицируется уже совершенно другой статьёй нашего закона! Здесь вам уже не поможет дипломатическая неприкосновенность. Кроме того, вы обвиняетесь в организации распространения наркотиков на территории нашей страны! В купе вам может светить смертная казнь! Вы меня хорошо понимаете, месье Колокольцев, о чём я вам сейчас говорю? Для вас будет гораздо лучше, если вы начнёте с нами добровольно сотрудничать. Тогда у меня появятся основания как-то смягчить отношение к вам и попытаться помочь вам выпутаться из сложившейся ситуации.

– Я вам не верю! Не может такого быть, чтобы в момент задержания сотрудника советского посольства, посол СССР в Канаде оставил его без дипломатической поддержки! – раздражённо произнёс полковник.

– А газетам вы верите, господин Колокольцев? – усмехнулся следователь и положил перед арестованным ежедневную газету на английском языке.

Полковник эту газету очень хорошо знал. Каждое утро он начинал со знакомства с её содержанием газеты. В этот раз на первой полосе кричащий заголовок разгромной статьи гласил: «Советский посол поджав хвост сбежал из Канады за Железный Занавес!», а дальше в том же стиле весь текст: «Советские шпионы во главе со своим послом в течении сорока восьми часов под давлением разоблачающих фактов были вынуждены покинуть пределы гостеприимной, но не такой уж и беззащитной Канады. Советский посол вместе со своими тринадцатью шпионами сегодня утром с позором, срочно сбежали к себе на родину. Думается, что их всех ждёт незавидная судьба в застенках КГБ! За проваленное задание их повесят или расстреляют по приказу советского правительства свои же чекисты! В лучшем случае

сошлют в Сибирь на жуткие морозы, в лагеря, где над ними будут издеваться политзаключённые и начальники ГУЛАГА. Но, один из этих советских шпионов на днях попался с поличным, и теперь он уже даёт показания нашим следователям! Скорее всего его ждёт справедливая смертная казнь! Вот такая незавидная судьба ожидает всех советских шпионов, которые осмелятся на территории нашей страны вести противоправную шпионскую деятельность! Как бы они не маскировались, но поимка русских шпионов – это лишь вопрос времени. Им не поможет никакое дипломатическое прикрытие! Наша контрразведка не зря ест свой хлеб! Ну, а наша газета всегда будет держать своих читателей в курсе самых актуальных событий у нас в Канаде и за рубежом!».

Следователь канадской полиции не торопил арестованного и ждал пока тот закончит чтение статьи. Колокольцев отодвинул в сторону газету и посмотрел на следователя. Тот стоял у окна и смотрел, как во двор участка полиции заезжала дорогая машина с открытым верхом. Из ярко красного кабриолета легко выпорхнула молодая дама в светлом, облегающем брючном костюме. Следователь залюбовался на ладную фигуру женщины и с видимым сожалением обернулся к допрашиваемому:

– Скоро осень, месье Колокольцев, а осенью у нас в Канаде особенно красиво! В это время хорошо иметь свой дом на берегу какого-нибудь прекрасного озера и сидеть с удочкой на берегу его голубых вод, и просто ловить рыбу! Кстати, вы любите рыбалку, месье Колокольцев?

Полковник отвёл глаза. Уже несколько часов следователь и так и эдак пытался его склонить написать признательное показание в том, что он под прикрытием дипломатической службы организовывал сбыт и хранение наркотиков. Поэтому второй секретарь советского посольства ничего не ответил на поставленный ему вопрос.

– Ну, что же, не хотите мне отвечать? Это, конечно, ваше право. На сегодня у меня всё! Вам предоставлен адвокат, месье Колокольцев!

Следователь подошёл к столу и нажал на кнопку вызова дежурного. Тот незамедлительно вошёл в комнату допросов и вытянулся перед начальником.

– Сержант, на сегодня я закончил допрос подозреваемого. Пригласите к господину Колокольцеву его адвоката. Я надеюсь, что мадам Забоцкая уже поднялась наверх и сейчас ждёт моего разрешения, чтобы войти?

– Так оно и есть, господин следователь! Адвокат уже пришла и ждёт в соседней комнате.

– Так позовите её сюда!

Сержант браво щёлкнул каблуками и вышел из комнаты допросов. Буквально через полминуты дверь вновь распахнулась и на пороге показалась молодая дама. Колокольцев поднял голову, посмотрел на вошедшую и вздрогнул. На него с улыбкой смотрела та же самая женщина, из-за которой он в ресторане разбил бокал и облил дорогим вином свой костюм. Следователь с любопытством наблюдал за реакцией арестованного и тут же спросил:

– Так вы знакомы с мадам Хелен Заболоцкой, месье Колокольцев?

– Так это именно она же и подбросила мне в карман пиджака наркотики в ресторане «Оттава»! – возмутился второй секретарь советского посольства. – И вы предоставляете мне её в качестве моего адвоката? Это явная, вопиющая политическая провокация!

– Вот как? Политическая провокация, говорите? – усмехнулся следователь. – Что ж, это весьма даже любопытно! Мадам, так вы действительно знакомы с этим господином?

– Не более, чем вы, господин Ширак! Я имела неосторожность в ресторане облить костюм этого господина и он, наверное, до сих пор на меня за это сердится! Но я же сразу извинилась за произошедшее недоразумение! А, если вас интересуют подробности, месье следователь, то можете спросить у моих друзей. Они в тот вечер были со мной неотлучно и могут подтвердить каждый мой шаг. Кстати, я видела, как господин Колокольцев на входе в туалет столкнулся

с неизвестным мне мужчиной. Я не могу ничего утверждать, но возможно, следствие заинтересует сей факт.

Молодая женщина невинно улыбнулась, стоящему со скрещенными на груди руками следователю, и мягким, грудным голосом спросила:

– Так я могу приступить к своим обязанностям адвоката?

Следователь отвёл взгляд от лица красивой дамы и вопросительно посмотрел на арестованного. В это время Колокольцев с удивлением вспомнил, что в тот вечер действительно у входа в уборную было ещё одно столкновение, но то было столь кратковременное, что не вызвало у него никаких подозрений. Одновременно он вспомнил, как эта дама очутилась на его коленях, и его тело в тот момент отчего само собой, совершенно непроизвольно напряглось. В сознании ярко вспыхнул момент, когда она слегка прижалась к нему грудью и поцеловала в щёку... Теперь полковник уже совершенно другими глазами смотрел на брючный костюм, который вызывающе облегал стройную фигуру молодой женщины. Подняв глаза, он увидел её совершенно наивную, почти детскую улыбку и вновь на него нахлынуло какое-то наваждение. Колокольцев встряхнул головой, а в это время и следователь, и адвокат с любопытством смотрели на него и ждали ответа.

– Так вы будете сами себя защищать перед канадским судом или, всё-таки, воспользуетесь услугами государственного адвоката, месье Колокольцев? – совершенно невозмутимо спросил следователь. – Не думаю, что вы в совершенстве знаете канадские законы, да и услуги частного сыска вам тоже не помешают. У вас появляется, право прямо уникальная возможность, поскорее отыскать того человека, с которым вы случайно столкнулись в ресторане. Конечно, официальное следствие будет рассматривать все варианты, но, поверьте моему опыту, – это займёт довольно длительный срок, если вообще официальному следствию до суда удастся найти этого мужчину и доказать, что это именно он подбросил вам наркотики. Так что, хорошенько подумайте над моим предложением, прежде чем сходу его отвергать. Лично я ничего не имею против вас, месье Колокольцев, но, – служба есть служба!

Полковник посмотрел на сухопарого следователя с серыми, абсолютно холодными и безразличными глазами и подумал, что тот не обманывает его. Да, он будет вести следствие, но без огонька и совершенно формально, а это значит, что успешное окончание следствия ему никто не гарантирует. Наоборот, сами канадские власти будут заинтересованы устроить показательный суд над пойманным с поличным советским шпионом, чтобы в глазах общественности подтвердить весомость мотива высылки тринадцати других сотрудников советского посольства, а за одно и иметь мотив для очередного увеличения бюджета своих спецслужб и министерства оборонного. А вот, на что способна эта дама и кто она такая, на самом деле? Колокольцев всмотрелся в почти детское выражение слегка пухлого лица адвоката и первое, что пришло ему на ум было: «Она страшно красива и беззащитна для умной женщины, но следователь утверждает, что на её счету множество выигранных в суде дел! Чёрт! Прямо какое-то роковое искушение, а не женщина!». Полковник не выдержал наивного, всепроникающего взгляда голубоглазой блондинки и отвернулся. Ему показалось, что она поняла его неведомо откуда нахлынувшее желание и оттого улыбнулась ему, а затем, хорошо поставленным тоном профессионального адвоката, но, в то же самое время мягким, грудным голосом начала говорить:

– Вы, конечно, можете дать мне отвод, месье Колокольцев, если вы считаете, что мои способности адвоката для вас совершенно ничтожны, но тогда вы останетесь с канадским судом один на один и я далеко не уверена, что вам смогут качественно помочь люди из вашего советского посольства. Только прошу вас, выслушайте меня и не обижайтесь на мои слова. Ваш МИД, как и все ваши государственные службы, больше умеет делать громкие заявления через ваш грозный ТАСС, но когда дело касается практической помощи попавшим в беду людям, то поведение ваших государственных структур далеко не всегда бывает адекватным. Вспомните, хотя бы, недавнее дело одного вашего агента. Это тот случай, когда человеку для лече-

ния его собственного ребёнка понадобилась срочная помощь врачей в Америке. Он попросил у вашего начальства в КГБ всего лишь несколько тысяч долларов на срочную операцию для своего ребёнка и ему отказали. Это совершенно крохотная для такого могущественного и богатого государства, как СССР, сумма денег. Человеку отказали в лечении маленького ребёнка чисто из политических соображений. Как это не печально, но ребёнок тогда умер. Во имя политики была загублена жизнь ребёнка. Ребёнка сотрудника, который приносил вашему же государству своей службой в КГБ огромную пользу. Он добывал в этой же Америке для вашего правительства бесценные сведения, но они в трудный момент не помогли ему. Советские политические интересы оказались важнее жизни простого ребёнка. Так почему вы думаете, месье Колокольцев, что ваше государство в данной ситуации обязательно поможет вам? И ещё, я не думаю, что, сидя за решёткой вы сможете быстро найти человека, который подбросил вам наркотики, а я верю, что вам их именно подбросили!

– Кстати, – продолжил следователь, – я полагаю, что ваше начальство в КГБ уже давно списало вас со своих счетов и зачислило в изменники Родины. Не думаю, что даже, если вам удастся оправдаться перед канадским судом, и вернуться к себе на родину, то там вам окажут радушный приём. Но, если вам удастся с помощью государственного адвоката доказать свою невиновность перед законом, то вы сможете в дальнейшем просить политическое убежище у нас в Канаде, и мне, кажется, что в таком случае наши власти поймут вашу безнадёжную ситуацию и будут к вам весьма лояльны. Не исключено, что вы ещё сможете заработать себе на домик у большого, голубого озера и на пенсии безмятежно ловить рыбку.

Колокольцев тяжело задумался, а следователь и адвокат ждали от него ответа. Они были весьма терпеливы и не подгоняли, прекрасно осознавая, чтобы окончательно определиться ему нужно время. Ведь такой выбор можно сделать только один раз и обратного хода тогда больше уже не будет. Второй секретарь советского посольства сделал достаточно успешную карьеру в КГБ. Ему по возвращению в Союз уже светило звание генерала, и он никогда не думал, что перед самым повышением попадёт в такую дурацкую историю. Сколько раз ему уже приходилось видеть в кино этот банальный сюжет с подбрасыванием наркотиков и каждый раз он вызывал у него лишь усмешку, но тут этот избитый ход применили против него самого, и он теперь не знал, как ему поступить, как выкрутиться из этой дурацкой ситуации, хотя за плечами уже было больше двадцати лет службы в органах. Полковник прекрасно осознавал, что канадские «друзья» хоть и сгущают краски, но отчасти они правы. Колокольцев отлично помнил эту неприглядную историю с одним из советских агентов и понимал, что на Родине его действительно уже успели списать, а если он туда вернётся, то в лучшем случае сразу попадёт под проверку и плотное, длительное наблюдение. Это будет касаться не только его самого, но и всей его семьи, а на карьере детей теперь уже заранее можно было ставить жирный крест. Что-то ему вдруг резко захотелось пить.

– Можно, я ещё подумаю? – осипшим голосом спросил полковник. – И, если можно, стакан воды?

– Конечно, я вас не тороплю с ответом, месье Колокольцев. – произнёс следователь и вновь нажал на кнопку звонка. – Сержант, принесите воды арестованному!

Адвокат и следователь молча наблюдали, как советский полковник жадно пьёт воду. Когда сержант забрал у арестованного стакан, следователь с добрейшей улыбкой на лице произнёс:

– А сейчас, можете для окончательного прояснения сложившейся ситуации пообщаться с вашим адвокатом. Всего доброго, мистер Колокольцев! Кстати, вам весьма повезло! У вас будет русский адвокат и не только очень красивый, но и очень умный! На счету у мадам Заболочкой множество одержанных побед в суде, причём, в, казалось бы, самых неподъёмных делах! Так что, до встречи, мадам Хелена! Удачи вам!

Следователь слегка поклонился даме и уверенной походкой пошёл к двери. Адвокат же скромно улыбнулась на похвалу и ответила ему вслед:

– Мы с вами ещё потягаемся, месье Ширак, и я вам без боя не уступлю своего клиента!

– Это мы ещё посмотрим! Не переоцените себя, мадам Хелена! – не оборачиваясь, с лёгкой усмешкой ответил следователь и скрылся за дверью.

Глава 5. Искусственный интеллект

По указанию Андропова на конторской конспиративной квартире всю последующую неделю с Павлом проводили занятия, беседы и тренировки. Начиная от элементарной жизни в условиях развитого социализма до вопросов географии и текущей политической обстановке в стране и мире. Основным его учителем и опекуном в новой жизни стал майор Белоусов. Под бдительным оком комитетчика путешественник во времени учился не выглядеть белой вороной в глазах простых советских граждан. И вот настал день, когда Павлу наконец выдали новый паспорт со штампом с московской пропиской, красный диплом об окончании МГУ по специальности «прикладная математика» и трудовую книжку всего с двумя записями: об учёбе в МГУ и о работе в секретном «почтовом ящике». Последняя запись исключала любые нежелательные вопросы со стороны новых знакомых о его последнем месте работы. Вместе с документами Павлу выдали ключи от новенькой квартиры, расположенной совсем недалеко от станции метро «Октябрьское поле». Теперь по документам он был не Глушков, а самый обыкновенный «Иванов», каких по всей стране – пруд пруди.

– Квартиры у нас в стране, в основном, – государственные. Выдаются они всем трудящимся Советского Союза совершенно бесплатно, – отдавая новенькие ключи, наставлял Павла майор, – Есть, конечно, у нас и кооперативные квартиры, которые можно приобрести за счёт личных сбережений, но они менее популярны у нашего народа, а поэтому их гораздо меньше. Платить за квартиру и израсходованное электричество будешь в ближайшем отделении сберкассы. Это не так и дорого. А сейчас мне пора с докладом к товарищу Андропову. Веди себя прилично, старайся к себе не привлекать излишнее внимание людей и не забывай, что, пока не завоеешь к себе полного доверия, наши товарищи всегда будут рядом с тобой. Так что, не думай, что сможешь вдруг передумать и куда-то бесследно исчезнуть. В нашей стране от наших органов ещё пока никому не удалось скрыться!

– Если бы я не хотел попробовать изменить будущее нашей страны, то сразу бы вам об этом сказал! – недовольным тоном ответил Павел.

– Ты не обижайся на меня, парень. Это я так, на всякий случай тебя предупредил, чтобы в дальнейшем исключить какие-либо недоразумения. Сейчас тебе интересно. Всё-таки новое дело, но мало ли, – через месяц другой, вдруг, ты передумаешь и надумаешь от нас скрыться. Поэтому, я обязан предупредить тебя о возможных последствиях заранее. Ладно, пока! Оставляю тебя одного в новом для тебя мире. Теперь все текущие решения будешь принимать сам, если что – звони, спрашивай! Мой номер у тебя есть! А через день-другой я сам к тебе приду. Наведаю, а ты расскажешь мне обо всём, что узнаешь в институте и о перспективах работы с академиком Глушковым.

Майор ушёл и впервые за долгое время Павел остался один. Завтра понедельник. С утра на работу, а пока, нужно оглядеться и приноровиться к новому месту жительства. Квартира оказалась малогабаритной, всего только одна комната и крохотная кухонка. Минимум мебели, но посуда, холодильник, телевизор – всё в наличии. Правда, холодильник оказался пустой. «Придётся сходить в магазин – купить что-нибудь на ужин и для завтрака», – подумал Павел. Для него начиналась жизнь простого советского гражданина.

Вопреки его сомнениям привыкать оказалось не так и трудно. Того изобилия товаров, от которых буквально ломились магазины его времени не было, но основные продукты имелись, причём, натуральные, без вредных е-единиц и прочей гадости. Больше Павла даже смущал порядок цен: буханка хлеба стоила всего двадцать две копейки, а бутылка молока на пару копеек дороже; пачка масла – семьдесят. Павел по началу пытался эти цены как-то перевести в рубли конца двадцатых годов двадцать первого века, но вскоре забросил это никчёмное занятие, а просто покупал то, что из продуктов ему сейчас было необходимо. На всё про

всё из выданных ему в конторе денег ушла неполная пятёрка. Аккуратно сложив все покупки в авоську, Павел пошёл домой. По дороге в киоске «Союзпечать» купил газету «Известия» и журнал «Техника молодёжи».

Добрался до квартиры без приключений. Но, когда открывал ключом дверь, из соседней квартиры выглянула бдительная соседка и поинтересовалась у новосёла кто он такой? Но, когда узнала, что квартиру ему выделили на работе и он теперь будет здесь жить, сразу изменилась. Стала приветливой и добродушной.

– Может тогда, дорогой сосед, на чаёк к нам заглянете? Поближе познакомимся, раз мы теперь с вами стали соседями. У меня свежее малиновое варенье имеется. Малинка со своего огорода. Чистенькая, отборная. Во рту – так и тает! Печенье вкусное, только как сегодня моя дочка испекла, – женщина с лукавым видом обещала райские кущи, но тут из глубины её квартиры раздался недовольный, молодой девичий голос:

– Мам, с кем это ты там опять на лестнице треплешься?! Закрой дверь, а то сквозит!

– Да я вот тут, доченька, с симпатичным молодым человеком познакомилась! В гости его к нам приглашаю. Как новым соседям, поближе познакомится предлагаю, а он – стесняется и ни в какую!

– Правда, симпатичный? – недовольный голос тут же изменился: появились нотки любопытства и кокетства.

За спиной у матери вскоре появилась девушка, лет двадцати-двадцати пяти с сонным лицом, да с резиновыми бигудями на голове. Короткий халат, небрежно застёгнутый всего на пару пуговиц, нисколько не скрывал её худых ног. Она возвышалась над матерью словно старшекласник над малолеткой. Цепкие, маленькие глазки оценивающе разглядывали соседа с ног до головы. Но, видимо, внешний вид Павла не смог внушить ей должного уважение.

– Видишь, мам, очки здоровенные нацепил, да ещё и галстук одел! Правда, бедноватенький, ширпотребовский. Небось школьный учитель или какой-нибудь научный сотрудник из НИИ, а таким у нас в стране много денег не платят, мама! Зря ты перед ним так распинаешься! Этих НИИ у нас по всей стране, что грязи развелось! Куда не плюнь – обязательно в институт попадёшь, а на заводах работать уже совсем некому! Все школяры в инженера, да в учёные рвутся! А закончат учёбу, так сидят днями у себя в институте и с умным видом в носу ковыряются, да штаны свои за сто двадцать «рэ» в месяц зазря протирают! Пойдём, мам, а то на сквозняке мы тут с тобой стоим, как две дуры, а я ещё вдобавок и не высохла после ванны! – недовольным тоном произнесла рослая девица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.